

Соколяне

Годы военные

По страницам газеты «Голос Сокола»

Москва

ТОО «Поселок Сокол»

2023

УДК

ББК

С 60

Соколяне. Годы военные / Редактор-составитель Н.А. Соляник. – М. Территориальное общественное самоуправление «Поселок Сокол». 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-6049817-2-6

Данное издание представляет собой дайджест материалов (заметок, статей, очерков, интервью), опубликованных в разные годы в газете «Голос Сокола» и посвященных соколянам-фронтовикам и труженикам тыла. По сути – это коллективная повесть жителей поселка о военном прошлом.

ISBN 978-5-6049817-2-6

ТОС «Поселок Сокол», 2023

Ценой своей жизни

Вечная память!

Площадь-звездочка – традиционное место встречи соколян. И как же особенно выгладит она 9 Мая – притихшая, торжественная, лишь множатся букеты цветов у обелиска в честь павших в боях за Родину соколян.

Не довелось им встретить май 45-го. Но они твердо верили, что победа будет. Будет победа над проклятым врагом, непременно будет, даже если придется заплатить за этой самой жизнью.

Вспомним их имена:

**Вальяжников Сергей,
Волковский Алексей,
Вольф Евгений,
Галанин-Ткаль Владимир,
Закалинский Петр,
Запорожец Виктор,
Зыков Юрий,
Моргунов Василий,
Мюллербек Эдуард,
Никитин Сергей,
Панфилов Борис,**

**Панфилов Сергей,
Памфилов Сергей
Прусс-Перекотий Анатолий,
Сахаров Юрий,
Терехов Анатолий,
Федоров Георгий,
Харсам Иосиф,
Худяков Владимир,
Худяков Леонид,
Шимановский Никита,
Шраг Илья.**

Те же из соколян, которых не взяли на фронт, работали на оборонных заводах, в НИИ и КБ. Для них это был трудовой фронт. Как и для многих других жителей поселка, эвакуированных на Урал, в Сибирь, Поволжье...

Короткий митинг: рассказы о войне, о мужестве фронтовиков, ополченцев.

А люди всё несут и несут цветы к обелиску в знак благодарности за дарованное счастье жить в мире.

Сияют на солнце георгиевские ленточки. Гремит музыка. Звуки ее улетают высоко в небо, как бы извещая мир о том, что 78 лет назад Советский Союз, разгромив гитлеровские полчища, отстоял свою свободу и независимость, и спас Европу от порабощения.

Это была великая победа великого народа.

Таким он парнем был

Успел в главном

Короткая, как сама жизнь его, строка: «Погиб в бою за Родину». Шел ему 21-й год. Не успел полюбить, обзавестись семьей. Много чего не успел. Но успел в главном: стать военным летчиком и бить врага.

Есть какая-то закономерность в героическом поступке, словно сама жизнь вела к нему человека. Воспитание, пример старших, честность, самоотверженность – все то, что являет собой характер.

Характер Юрия Зыкова формировался именно в такой атмосфере: крепкие семейные устои, где слова «долг», «Родина» не были пустым звуком; школа с ее Пушкиным, Гоголем, Маяковским...

Да и само время было проникнуто героикой: челюскинцы, папанинцы, Чкалов...

Дважды выпускник

Он с детства мечтал об авиации и, едва ему исполнилось пятнадцать лет, записался в Краснопресненский аэроклуб. Причем, занятия в аэроклубе совмещал с учебой в школе, в той самой, что у поселка Сокол, 149-й. Собственно рядом с домом (ул. Левитана, 24).

С утра уезжал к самолетам, а к двум часам дня уже был в классе. И так день за днем.

И вот школа, считай, позади, завтра выпускной вечер. Но так вышло, что на этот же день у него в аэроклубе был назначен зачет. И как тут быть? Что выбрать? Выпускной вечер или зачет в аэроклубе? Юра выбрал второе. И как ни уговаривали его одноклассники пойти с ними на школьный вечер, отказался: «Завтра у меня ответственный полет. И от того, как я выполню его, будет зависеть, возьмут меня в летную школу или нет. А это для меня важнее выпускного вечера...»

Боевое крещение

Зачетный полет он сдал успешно, и уже через неделю был отправлен в школу военных летчиков, под Киев. Там и застала его война. *«Немцы нещадно бомбили город. На бреющем полете вражеские самолеты несколько раз заходили и на аэродром, – писал Юрий отцу. – Врасплох они нас так и не смогли застать. Все свое «хозяйство» они сбросили на близлежащий сад и поля да попробовали пулеметами, какой прочности наше шоссе. Это видел я и испытал впервые, и было вначале очень жутко, а потом, во время второго их налета дали им такого жара из пулеметов...»*

И еще строки из письма отцу: *«Я прекрасно понимаю, что непосредственно мы решаем судьбу нашей Родины. И эту святую задачу мы выполним. Это говорю я, твой сын, это говорят мои друзья, это говорят бойцы Красной Армии. Родина была и будет свободной. В этом клянемся мы, рядовые воины великого народа...»*

Мститель

После окончания летной школы и дополнительной подготовки на курсах штурмовой авиации Юрия Зыкова направили на Сталинградский фронт. С первых же боев, по отзывам командования, он показал себя мастером самолетовождения, умелым воздушным разведчиком – грозой немецких боевых позиций, немецких летчиков. Его самолет с надписью на фюзеляже «Мститель» они легко обнаруживали и угрожали проучить его. Но угрозы не пугали Юрия, напротив, вызывали у него еще большую ярость.

А почему «Мститель» на фюзеляже? Был у Юры друг Василий Филиппов, командир эскадрильи. В неравном бою с вражескими стервятниками он погиб. Юра поклялся отомстить за друга. И мстил. И за друга, и за разрушенные города и села, и за поруганную честь страны.

В общей сложности совершил он 196 боевых вылетов. Уничтожил, как явствует из наградного листа, 40 танков противника, 18 самолетов, десятки автомашин, два железнодорожных эшелона...

Бывало, вылетал на задание по три-четыре раза и, сталкиваясь в небе с «фокке-вульфами», обращал их в бегство.

Встреча с отцом

Для бойца встретиться на фронте с отцом было большой редкостью и неопишуемой радостью. И тут – случай. Отец Юрия, Николай Александрович, собрался в командировку в освобожденные от фашистов районы Курской области, и одна девушка из фронтовой концертной бригады сказала ему, что недавно они, артисты, выступали именно в тех местах, где дислоцируется полк, в котором служит Юрий Зыков.

Отец Юрия тут же отправился в дорогу. На перекладных добрался до Курска, потом до Щигров. Потом уже – до аэродрома. Военные, узнав, что он отец прославленного летчика, проводили его до КПП. Там встретил его командир полка, другие летчики. Послали за Юрием.

«И вот вижу, – писал в своих воспоминаниях отец Юрия, – по летному полю идет мой сын. Шел он пять, может, восемь минут, и за эти минуты мне многое вспомнилось: и как мы с матерью ждали первенца, и каким он был мальчуганом, подростком, юношей... Юра подходит к нашей группе и, не замечая меня, докладывает командиру полка: «По вашему приказанию прибыл!» Тот улыбнулся: «На сегодня можете быть свободным. Побудьте с отцом», – и с этими словами развернул Юру в мою сторону. «Папка!» – воскликнул Юра и сгреб меня в свои могучие объятия. Стал кружить меня, целовать...»

Это была последняя встреча сына с отцом. 21 февраля 1944 года Юрий Зыков погиб под городом Рогачев, что в Белоруссии.

Родина по достоинству оценила его ратный подвиг. Он был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Сталинграда».

Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно.

«ГС» № 26, 2016 г.

Братья Худяковы

Леонид

В поселке Сокол (ул. Алабяна, д. 8-б) они появились, уже будучи подростками, куда отец их, Пантелеймон Николаевич, перевез всю семью – в 1924 году.

По-разному складывалась судьба братьев. Старший, Леонид, мечтал стать архитектором и даже участвовал в проектировании и строительстве павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ, ныне ВДНХ).

Младший, всего-то на год, Владимир, видел себя в самолетостроении – вот только подучиться бы. Работал контролером в НИИ Гражданского воздушного флота СССР (ГВФ).

Общей бедой для братьев, как и для миллионов советских людей, стала война. Впрочем, первая беда уже пронеслась над Владимиром – в 1932-м: он был арестован и постановлением «тройки» ГПУ осужден на пять лет лагерей – за пропаганду терроризма. О каком терроризме мог вести разговоры юноша, воспитанный в достойной советской семье (отец – военный специалист), в советской школе?! Бред, да и только! Но... был донос. Парень просто не выдержал пыток...

Освободился Владимир досрочно – в 37-м. Но домой, в поселок Сокол, путь ему был заказан, даже паспорт отобрали и грозились снова арестовать. Пришлось ехать куда подальше – на Северный Кавказ. Там он работал начальником автоколонны. Выдали ему хорошую характеристику, и он все-таки вернулся в Москву. Но снова – ни достойной работы, ни возможности учиться. Да и семью создать не получилось. И когда грянула война, добровольцем ушел на фронт. На фронте уже был его старший брат Леонид.

Владимир

Владимир и погиб первым – в марте 1943-го. Под Смоленском. Там и похоронен. У деревни Зимницы.

«Ваш сын был смелым и решительным командиром, – писал отцу Владимира Пантелеймону Николаевичу командир полка. – В последнем бою, командуя батареей, он проявил бесстрашие и, не щадя своей жизни, продолжал отражать атаки противника...»

Не щадя своей жизни...

А в 1957 году семья Худяковых узнает, что решением военного трибунала Московской области постановление «тройки» от 1932 года в отношении Владимира было отменено: «за отсутствием состава преступления».

Вторая «похоронка» в дом Худяковых пришла в марте 1945-го: *«Уважаемая Тамара Николаевна, – писал жене Леонида начальник воинской части, – наш боевой товарищ и Ваш муж Леонид Пантелеймонович Худяков умер в госпитале 25 февраля 1945 года – от тифа...»*

За два месяца до Победы. Прошел всю войну и уже на самом пороге завершения ее скончался. А так хотелось увидеть разгром фашистского логова.

Не дожил. Было ему 35 лет. На чужой земле и захоронен, в городишке Немелау, в Германии...

«ГС» № 25. 2015 г.

Слово о друге

Родился Никита Шимановский 25 мая 1925 года в семье художников Шимановских. Отец, Антон Борисович, был известным живописцем. Мать преподавала рисование в 149-й школе.

Мы, дети, любили бывать в доме Шимановских (ул. Сурикова, 25). Здесь нас учили не только рисовать, но и приобщали к культуре, открывая перед нами мир искусства, литературы, воспитывали уважение к людям.

Антон Борисович часами мог рассказывать о том, чего в то время многие не слышали: о космосе, аэродинамике, космической невесомости, о ракетных двигателях, о Циолковском.

Демонстрировал нам игру на пианино с помощью диковинного «Фоноле» – приставки с зашифрованными на перфорации рулонной бумаги классическими музыкальными произведениями.

Никита тоже увлекался игрой на фортепьяно. Но особые его способности проявились в спорте. Он был основным игроком сокольской футбольной команды. В 1940 году его по конкурсу приняли в молодежную футбольную команду «Динамо».

Когда началась война, Никита, как и многие его соколяне-сверстники, ушел на фронт.

Письма приходили редко. Одно из них, фронтовой «треугольник» без марки, до сих пор хранится у меня.

Погиб Никита в 1944 году в боях за освобождение Украины.

Валерий Тамбовцев

«ГС» № 12, 2005 г.

Панфиловы

Дом их – неподалеку от поселковой площади: ул. Левитана, 4 – известен уже тем, что 18 мая 1935 года в него угодил один из обломков самолета-гиганта «Максим Горький».

По тому времени это действительно был самый большой самолет в мире: восьмимоторный, с размахом крыльев в 63 метра и массой в 42 тонны.

Самолет был агитационный: редакция, машинописное бюро, фотолаборатория, компактная типография, радиостанция с мощными громкоговорителями.

В тот день самолет совершал прогулочный полет для конструкторов и авиастроителей. На борту были и дети. Как разбился самолет известно: в крыло его

врезался летевший рядом и выполнявший «мертвую петлю» легкий аэроплан. И пилот аэроплана, и экипаж «Максима Горького», и все пассажиры погибли.

Один из обломков угодил в самый центр панфиловского дома. К счастью, никто из жильцов не пострадал.

А через несколько лет началась война. Братья, Борис и Сергей Панфиловы, ушли на фронт. И погибли.

На фото: Борис Панфилов.

«ГС» № 25, 2015 г.

Последнее письмо домой

До войны Владимир Галанин-Ткаль (ул. Сурикова, д. № 16/7) работал слесарем-лекальщиком на военном заводе. Когда началась война, его жена и дочь гостили у родственников в Краснодарском крае.

К ним Владимир и уехал, хотя на заводе ему полагалась «бронь». Здесь, в Краснодарском крае, он и был призван на фронт, в кавалерию.

Сохранились его письма в поселок Сокол, где проживала его бабушка Мария Михайловна: *«Я жив, здоров, воевал как сын Родины...»*.

И последний солдатский треугольник от 5 июня 1943 года: *«Не ложить же голову под топор этого варвара, не сдать же под насилие и грабеж нашу только что было распустившую свои лепестки хорошей жизни Родину! Думаю, если планида моя будет светить так же, как до этого (а я, по своему счастью, даже не ранен), то увижусь с вами обязательно...»*

Спустя несколько месяцев Владимир Галанин-Ткаль погиб при форсировании Днепра. Было ему 28 лет.

«ГС» № 16, 2008 г.

Братья Федоровы

Старший, Георгий, до войны работал на авиационном заводе токарем. Там же трудилась и его мама Галина Максимовна. Младший, Володя, учился в школе. Жили Федоровы на улице Шишкина, в доме 3/1.

В мае 1942 года Георгий добровольцем уходит в армию, отказавшись от предоставленной ему «брони». Направили его в минометное училище.

Письма. В них весь Георгий. Здесь и глубокая сыновья любовь к маме (жили они без отца), и тоска по родному дому, и забота о младшем брате, и желание поскорее увидеть Родину

свободной... Впрочем, можно ли комментировать солдатские письма? Давайте просто прочитаемся в их строки.

«5 июля 1942 г. Здравствуйте, дорогие мама, дядя Саша, Соня, Люся и Вовка! Шлю вам свой красноармейский привет и желаю всем самого хорошего...

Завтра у нас в части праздник: принятие присяги.

Мама, передай Вовке мое пожелание: пусть он учится слесарному делу. У нас с ним одна задача: общими усилиями – рабочих в цеху и военных на фронте – выполнять приказ товарища Сталина...

Пока до свидания, остаюсь ваш сын Г. Федоров».

«15 октября 1942 года... Очень скучаю. Вспоминаю Москву, дом и всех, всех вас. Скоро, наверно, отсюда уедем. Пишите, как вы живете, ведь письма – это для меня гора радости. Желаю вам хорошо работать, это поможет нам разбить фрицев...»

«13 июня 1943 года... Я жив, здоров. После боя нашу часть направляют на переформирование... Скоро опять будем бить этих гадов! Что они, сволочи, сделали? Здесь нет ни одного сохранившегося населенного пункта, все пожгли и разрушили. За все наши города и села расплатятся они своей шкурой...»

«(без даты)... Пошел второй год, как я уехал от вас. Скучаю и все больше чувствую ненависть к немецким сволочам. Будем бить их, чтобы скорее вернуться домой.

Мама, почему ты ничего не пишешь о Вовке, где он?»

А с Вовкой вот что было. Едва исполнилось ему 16 лет, и получил он паспорт, удрал с другом на фронт. Прибыли они в Полоцк. Явились в часть. Ну что с ними делать? Оставили. Начали обучать военному делу. Володя стал радистом. Участвовал в боях за Кенигсберг, награжден был медалью «За отвагу».

Но обо всем этом Георгию, старшему брату, уже не суждено было узнать. Последняя его весточка домой значится 8-м июлем 1943 года. Следующей была похоронка: погиб младший сержант Георгий Дмитриевич Федоров 16 августа 1943 года под Смоленском, у деревни Владимировка. Там же и похоронен.

Шел ему 22-й год.

Брат его Владимир вернулся живой, но здоровье уже было подорвано. В 1948 году он умер. Тоже на 22-м году.

«ГС» № 3, 1998 г.

После войны родители его снова поженились. Но он об этом уже не узнал

Все, кто знал в поселке Анатолия Прусса в довоенное время (ул. Поленова, д. 11) в детские и юношеские годы, отмечали его доброту, веселость и даже некоторую браваду.

Но бравада эта была своего рода ширмой, за которой скрывались глубокая душевная боль. Так и хотелось ему порой выкрикнуть: «Да никакой я не Прусс, я – Перекотий». Но нужно было молчать, потому как тут же последовал бы вопрос: «А где же твой настоящий отец?» А настоящий отец Перекотий Константин Григорьевич находился в ссылке, в Сибири.

За что? Бывший царский офицер, состоял в свите Великого князя Николая Николаевича младшего в годы Первой мировой войны. Этого уже было достаточно, чтобы быть наказанным. В общем, ссылка.

А дальше события развивались так. Супруга Перекотия Александра Федоровна Гадаева предложила ему расторгнуть их брак. Дабы не портить биографию сына. На дворе стоял 1923 год. Еще не массовые репрессии, но маховик их уже раскручивался. Не щадил он и детей. Как же? Дети врагов народа!

Воспитывала сына Александра Федоровна одна. Правда, и тут время свое сделало. Там же, в Кисловодске, где к этому времени проживала, повстречала она Прусса Вильгельма Адольфовича, обрусевшего немца, крупного финансиста. И вышла за него замуж. Он-то и перевез вновь новую семью в поселок Сокол, где приобрел квартиру в доме 11 по улице Поленова – в 1927 году. Прусс усыновил Анатолия, дал ему свою фамилию и отчество. Было Анатолию тогда лет восемь или девять. Но та же беда: Прусса тоже арестовали и тоже отправили куда подальше, в Караганду. Таким образом, и родной отец и названный оказались в ссылке.

В ссылке у К. Г. Перекотия сложилась новая семья: женился он на Цибиной Надежде Андреевне, тоже репрессированной – за религиозные убеждения...

Но вернемся к Анатолию. Окончил он школу, затем – в 1940 году – Московский институт инженеров транспорта – МИИТ. Распределили его, надо же было такому случиться, в систему ГУЛАГ. Ту самую, что поглотила отца и отчима. Можно только догадываться, что творилось на душе у парня.

Работал он на строительстве железных дорог. И была у него «бронь». Тем не менее, в начале 1943 года его призвали в армию. Но потребовали подтвердить свое славянское происхождение. Уж как удалось ему доказать, что никакой он не немец, что истинная фамилия его Перекотий – украинец? В общем, отправили его в танковое училище, а потом уже – на фронт.

Где, на каких участках воевал Анатолий, неизвестно. Не сохранилось ни одного его письма. Есть лишь похоронка – стандартный пожелтевший бланк военного комиссариата Ленинского района Москвы: убит 20 июля 1944 года, похоронен у станции Кутож Львовской области.

А через два года в ссылке умрет Вильгельм Прусс. Но об этом Анатолий уже не узнает. Как и не узнает о том, что родители его – Перекотий Константин Григорьевич и Александра Федоровна Гадаева снова поженились. Это будет уже в пятидесятых годах, когда Константин Григорьевич, к тому времени овдовев, заедет в Москву, наведается в поселок Сокол и встретится с Александрой Федоровной. С первой своей женой. Можно представить, какой была эта встреча. И горестный разговор. О погибшем сыне, о перипетиях судьбы...

Анатолий Прусс-Перекотий посмертно был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Орден хранится в музее боевой славы МИИТ...

Татьяна Бронницкая (Перекотий)

«ГС» № 30, 2019 г.

Виктор и Юрий Запорожцы

Еще об одних братьях-фронтовиках – Запорожцах (ул. Сурикова, д. 23).

Юрий

Отец их, Павел Кузьмич, стремился дать сыновьям хорошее образование. Виктор окончил Московский станкоинструментальный институт, работал инженером-конструктором на заводе «Красный пролетарий», поступил в аспирантуру. Мечтал стать ученым.

Младшего, Юрия, больше прельщала военная стезя. Окончил артиллерийское училище, в звании младшего лейтенанта был направлен в полковую

школу – в Латвию. Там и застала его война.

Виктор ушел на фронт в мае 42-го (и тоже после окончания военного училища). Командовал саперным подразделением. И уже в сентябре погиб. Под Ржевом. Бои там шли жесточайшие.

Младший, Юрий, воевал на Северо-западном фронте. В августе 41-го часть его попала в окружение. Тяжело, с большими потерями бойцы пробивались к своим. Юрий был контужен и попал в плен.

Что довелось пережить ему, не рассказать: каторжный труд, недоедание и издевательства. И так все четыре года. Несколько раз оказывался он на грани смерти. Только в апреле 45-го при наступлении 2-го Белорусского фронта он был освобожден.

Полугодовая проверка спецорганами – чист. Домой! К матери (отца уже не было), жене, дочери.

Работал Юрий в конструкторском бюро А.С. Яковлева.

Родилась вторая дочь, потом – внучка. Жить бы и жить. Но пережитое (а прошел он через четыре концлагеря) дало о себе знать. Инфаркт за инфарктом. И в 1977 году он скончался. На 64 году.

В семье Запорожец свято чтут память о родных фронтовиках. И бережно хранят их боевые награды.

Виктор

«ГС» № 25, 2015 г.

Капитан Харсам

Родился Иосиф Юльевич Харсам в 1897 году в Москве. Окончил Московский университет, работал экономистом в Наркомземе.

Жил он тогда с семьей в центре Москвы, на Маяковке. Но не любил суету большого города, и когда в Наркомземе предложили участие в строительстве кооперативного дома на окраине Москвы, он охотно согласился. Дом выбрали одноэтажный, приземистый на улице Поленова (дом № 4).

Мирную жизнь прервала война. Иосиф Юльевич ушел на фронт. В чине капитана. В 1943 году он был тяжело ранен – в спину и ногу.

После ранения Иосиф Юльевич был комиссован и отправлен на работу в эвакогоспиталь – заместителем начальника по хозяйственной части. Здесь пригодились его навыки экономиста: организовывал работу госпиталя, следил за питанием раненых, поставкой лекарств, перевязочных материалов.

День победы в 1945 году Иосиф Юльевич встретил на Украине, в Новограде-Вольнском. Мечтал вернуться с семьей домой, в поселок Сокол. Но подвело сердце. Врачи, лечившие его, только удивлялись, как человек после таких ранений мог жить и работать?

Силы оставили его 12 августа 1945 года. Было ему 48 лет.

В Новограде-Вольнском, где его похоронили, высится обелиск погибшим бойцам. На обелиске выбито и имя капитана Иосифа Юльевича Харсама.

Инна Руньковская

«ГС» № 25, 2015 г.

Шел парнишке в ту пору...

Июнь 41-го для Толи Терехова складывался куда как хорошо: позади – семилетка, впереди – день рождения (29-го). Но 22-го грянула война. Где уж тут до дня рождения?

С мамой и сестрой он был эвакуирован в город Красноуральск, что на Урале. Отец пока оставался в Москве – со дня на день ждал отправки на фронт.

Вернулся Толя в поселок Сокол в конце декабря 1942 года (*ул. Врубеля, д.б*) – нужно было продолжить учебу в школе, все в той же 149-й. Но Толе словно было не до учебы: страстно увлекся авиацией. Изучал конструкции разных типов самолетов и стал уговаривать своего дядю-офицера, чтоб тот устроил его на фронтовой аэродром. Неважно кем. Помощником механика, техника, просто – рабочим.

Мама, естественно, возражала: «Какой фронт, Толя? Тебе всего-то семнадцать. Окончи хотя бы школу». Он стоял на своем: «Не могу сидеть дома, когда идет война. А дочусь после. Когда война закончится. Еще и в авиационный поступлю».

Дядя удалось устроить Толю на военный аэродром – в техническую службу. Было это в 1943 году.

Помогал техникам обслуживать самолеты – в основном тяжелые бомбардировщики. Летать, конечно, не летал.

19 апреля 1944 года поступил приказ перебазировать авиаполк на другой аэродром, поближе к Ленинграду. Взяли с собой и Толю. И кто бы мог предположить, что полет этот станет для него первым и последним. Самолет, в котором находился Толя Терехов, попал под вражеский обстрел. Осколки буквально изрешетили фюзеляж. Радист был ранен. Толя погиб. Летчики все же дотянули самолет до аэродрома.

Шел парнишке в ту пору...

Два месяца Анатолий Терехов не дожил до своего восемнадцатилетия.

«ГС» № 25, 2015 г.

И никто не подскажет, где могилка его...

Читаешь списки безвозвратных потерь личного состава частей и соединений в годы Великой Отечественной войны и содрогаешься: чуть ли не через строчку – пропал без вести.

Это «пропал без вести» прилетело и в поселок Сокол.

Где он, сын (муж, брат, отец)? Погиб, скончался от ран, болезни? Если нет в живых, то где похоронен (если похоронен)?

Вопросы эти многие годы терзают родных и близких...

Сахаров Юрий Васильевич

*«Милая мамочка, обо мне не волнуйся... Дорогая Ниночка, пиши чаще и больше... Галинка, я тобой горжусь – ты и художник, и актер – здорово! Крепко вас всех целую. Юра.
2 августа 1942 года».*

Это было последняя его весточка с фронта: маме, жене, дочке (ул. Левитана, д. 10). А спустя полгода райвоенкомат вручил матери извещение: «Ваш сын Сахаров Юрий Васильевич, находясь на фронте, пропал без вести 24 марта 1943 года».

И – стандартное: «Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии...»

На биофаке МГУ, где учился Ю. В. Сахаров, установлена доска памяти погибших в Великой Отечественной войне преподавателей, студентов. Есть там и портрет Сахарова. Как погибшего...

Из воспоминаний дочери Ю. В. Сахарова Галины Юрьевны:

«Мой отец родился 25 декабря 1915 года в Москве. В 1924 году семья переехала в поселок Сокол. После школы папа окончил ремесленное училище и получил специальность литейщика. Хотел поступать в МАИ (еще в школьные годы занимался в авиационном кружке), но путь ему туда после ареста в 1938 году его отца, Василия Федоровича Сахарова, был закрыт: он был отнесен к разряду «детей врагов народа». Однако смог поступить на биофак МГУ.

С началом войны, так как первая его специальность была металлург, ему предоставили «бронь» и отправили в город Ирбит Свердловской области на мотоциклетный завод.

А в мае 42-го записался добровольцем на фронт. Определили его во взвод разведки, мотоциклистом.

О том, как папа пропал, позже написали его товарищи: «... Возвращаясь из разведки, мы попали в засаду. Юра прикрывал наш отход и не вернулся...».

В 2013 году внук Юрия Васильевича Сахарова Илья, собирая сведения о деде, в Архиве ЦАМО нашел приказ о награждении его медалью «За отвагу». Так мы узнали о его награде...»

Вольф Евгений Тадеушевич

Родился в 1923 году в Симферополе. Вскоре родители всей семьей переехали в поселок Сокол (ул. Шишкина, д. 10). Там Евгений окончил 149-ю школу – в 1941 году. И уже в сентябре был призван в армию.

Последнее письмо родным он написал 25 января 1942 года из города Боровичи тогдашней Ленинградской области. В апреле того же года Евгений Вольф, находясь на фронте, пропал без вести. Узнали об этом его родные только в 1947 году.

Вальяжников Сергей Сергеевич

Город его детства – Нижний Новгород, где он и родился в 1901 году. Затем С.С. Вальяжников переехал в поселок Сокол, женившись на дочери крупного ученого в области текстильной промышленности В.К. Задарновского (ул. Шишкина, д. № 5/2). Задарновский в конце 30-х годов был репрессирован и погиб.

Зять его, Сергей Сергеевич Вальяжников, с началом войны ушел на фронт военврачом. Было ему уже под 40 лет. В ноябре 1941 года он пропал без вести. Не вышел с поля боя...

Волковский Алексей Сергеевич

Родом он из Крыма. В 1925 году семья поселилась в поселке Сокол (ул. Поленова, д. 10). Окончил Московский высший зоотехнический институт.

В 1929 году А.С. Волковский женился на дочери профессора Л.Н. Бернацкого Ирине Львовне, с которой учился в институте.

В 1929 – 1930 гг. служил в армии.

Трудовая деятельность Алексея Сергеевича Волковского в основном была связана с Наркомземом СССР: зоотехник по коневодству, начальник отдела треста ипподромов. Принимал участие в создании павильона «Коневодство» на ВДНХ.

К этому времени в семье уже было двое сыновей: Сергей и Лев.

В июле 1941 года А. С. Волковский в звании младшего лейтенанта мобилизовали в армию (было ему 36 лет).

С 5 августа – он на фронте: командир взвода кавалерийского полка. Участвовал в боях на Брянском направлении.

В 1942 году младший лейтенант Алексей Сергеевич Волковский пропал без вести.

Из воспоминаний сына А.С. Волковского Сергея Алексеевича:

«23 июня, уже на следующий день после начала войны, рано утро мама тихо разбудила меня: «Отец уходит на фронт». Проводили мы его до калитки. «Никаких слез!» – наказал он. Взял с собой лишь небольшой сверток (полотенце, бритву, мыло и

все, пожалуй). И пошел в военкомат. А через пару часов вернулся. В военкомате ему сказали: «Наведите порядок на работе, передадите дела и приходите недели через две».

Отец еще успел вырыть в саду «щель» – домашнее бомбоубежище. Глубины примерно в рост человека и длиной в два метра.

12 июля снова расстаемся с отцом. Это только в кино показывают: выпивка, закуска, лозунги. У нас все было скромно. И тревожно.

И надо же было такому случиться? Через неделю или чуть больше стук в дверь: отец. Как объяснил, часть, к которой его приписали, направляют на переформирование в Ковров (Владимирская область). Ему же поручили какие-то дела в Москве. Вот и решил заскочить домой.

Утром снова провожали его. Как оказалось, навсегда...»

Закалинский Петр Петрович

Родился Петр Петрович Закалинский в деревне Буховка Калининской области (ныне Тверская) в 1922 году. Переехал с семьей в Москву, в поселок Сокол (ул. Левитана, д. 22). В июле 1941 года ушел на фронт. Служил радистом. Последнее его письмо домой датировано 25 июля 1942 года. В сентябре 1942 года он уже значился в списке безвозвратных потерь как пропавший без вести. Об этом отца его известили только в декабре 1946 года.

Мюллербек Эдуард Вольдемарович

Сведения о нем самые скудные. Родился в 1920 году в Торжке Калининской области. Жил в поселке Сокол на улице Брюллова, дом 7. Ушел на фронт. Был военврачом 3-го ранга. В августе 1942 года пропал без вести.

Памфилов Сергей Федорович

Поселился с семьей – жена Евгения Михайловна, дочери Ирина и Татьяна – в поселке Сокол в 1927 году (ул. Брюллова, д. 5).

Доцент Московской академии сельского хозяйства имени К.А. Тимирязева, автор научных работ и практических пособий по бухгалтерскому учету в сельскохозяйственной кооперации, совхозах, колхозах, МТС.

С началом войны записался в московское ополчение, которое, как известно, формировалось из лиц, не подлежащих первоочередному призыву по мобилизации. Определили его полковым инженером. Было ему 47 лет. Вместе с ним ушли в ополчение и его студенты.

В декабре 1941 года Сергей Федорович Памфилов пропал без вести под Смоленском...

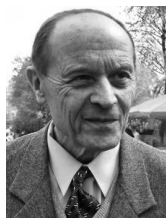
«ГС» № 27, 2017 г.

СОКОЛ 41-го

Линия обороны

Первая воздушная тревога

Приближение войны чувствовалось. Население овладевало навыками гражданской обороны, молодежь с энтузиазмом осваивала военные профессии – зазорным считалось не сдать нормативы на престижные значки «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок».

И все же война стала неожиданностью. 21 июня выпускники наших 149-й и 597-й школ допоздна гуляли по поселку, а с ними и мы, «мелюзга» (мне тогда было десять лет). Собравшись на опушке соснового бора, где теперь улицы Алабяна, Панфилова и Левитана, мы обратили внимание на багово-красные облака. Что-то в них было недоброе. А утром с ужасом узнали о нападении на страну фашистской Германии.

И уже на рассвете следующего дня (23 июня) всех разбудил вой сирены. Наспех одевшись, люди выбегали на улицы и с тревогой вглядывались в небо, где вдалеке раз за разом вспыхивали разрывы снарядов зенитных батарей. То была первая в Москве воздушная тревога.

Группы самозащиты

На предприятиях и в жилых кварталах сразу же стали формироваться группы самозащиты. В поселке их созданием руководил политрук Майский. В задачу групп входило обучение населения правилам светомаскировки в домах, мерам пожарной безопасности, дублирование сигналов «Воздушная тревога» и «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!» ударами в «колокол» (стальной рельс), оказание помощи пострадавшим, помощь строителям оборонительных сооружений, как в поселке, так и вдоль Московской окружной железной дорог, строительство простейших укрытий – щелей, землянок.

Уже через неделю-другую в поселке почти на всех придомовых участках были оборудованы такие укрытия.

Строили их главным образом старики, женщины и дети, так как мужчины призывного возраста уже были на фронте или были переведены на особый режим работы на предприятиях.

Около домов появились ящики с песком, бочки и ведра с водой, багры, лопаты и, конечно, большие клещи для переноса зажигательных бомб.

Группы самозащиты помогала военкоматам в оформлении призывников и добровольцев в армию, в оповещении населения – радио ведь не у всех было.

Меня как хорошо знающего поселок и его жителей использовали в качестве велосипедиста-связного. В группе самозащиты были и мои ровесники **Сергей Кирпичёв**, **Дима Тамбовцев**. И, конечно, святой обязанностью членов группы было круглосуточное дежурство на территории поселка.

Тот страшный налет

В июле началась эвакуация из Москвы женщин, детей, стариков и части предприятий. Наша семья переехала к родственникам в подмосковный поселок. Помню ночь 22 июля: над Москвой полыхало зарево, метались лучи прожекторов, слышались взрывы.

Что происходило в ту ночь в Соколе, мы узнали позже, когда вернулись домой. Досталось нашему Соколу! В общей сложности фашисты сбросили на поселок 11 фугасных бомб. Одна из них попала в роддом № 16. К счастью, никто не пострадал (спасло медперсонал и рожениц бомбоубежище под зданием).

Другая бомба угодила прямо в траншею у дома № 6 по улице Поленова и унесла жизни двух членов семьи **Шатиловых**.

На месте домов института ПИ-2 до войны была большая цветочная оранжерея. От нее остались лишь кучи битого кирпича и стекла. Возможно, фашистские летчики приняли ее за цеха завода.

На ночь Ленинградское шоссе «поворачивали» на улицу Врубеля, насыпая ложные песочные тротуары, а само шоссе по направлению к аэропорту перегораживали фанерными макетами домов. По-видимому, хитрость удалась. Бомбы врага не достигли стратегических объектов.

Линия обороны

Западной границей поселка Сокол является Московская окружная железная дорога, бывшая в 1941 году и границей Москвы и ставшая теперь второй линией ее обороны. По внутренней (московской) стороне железки был вырыт (лопатами!) противотанковый ров, по краю которого в три ряда были вкопаны, наклоненные в сторону врага толстые бревна (надолбы) – стволы деревьев спиленной Всехсвятской рощи.

Два моста у границ станции Серебряный бор были заминированы, а в их основаниях были устроены железобетонные доты.

На месте спиленного бора разместились зенитная батарея и подразделения аэростатов, а в имевшихся здесь домах (ясли и детсад Метростроя и бывший санаторий «Ромашка») кроме защитников неба расквартировались тыловые части дивизии генерала Панфилова.

Кроме этой линии обороны при участии соколян была сооружена еще одна баррикада с противотанковым эскарпом – проходила она через весь поселок.

В середине октября фашисты были уже в Химках – это в 10-15 километрах от Сокола.

Но вскоре началось историческое контрнаступление Красной Армии, и к началу декабря 1941 года гитлеровцы были отброшены от Москвы.

Последняя бомба

После разгрома немцев под Москвой воздушные нападения на город практически прекратились. Москвичи готовились к встрече Нового 1942 года. Приготовились и мы: нарядили елку, в люстру вкрутили дополнительные лампочки. 30 декабря, когда собрались за столом у наряженной елки, вдруг отчаянно «заговорили» наши зенитки. Что произошло в следующие несколько минут, мы не сразу поняли, да и не слышали, так как были оглушены и потеряли на некоторое время сознание.

Очнулся я на полу в клубах сизой удрушливой пыли в ярком свете сияющей люстры. Оконных рам вообще не было. Комната мгновенно остудилась до наружной температуры – под минус 40. Над головой что-то трещало и скрежетало – это сползала металлическая кровля.

Как потом выяснилась, огромная, порядка 800 кг бомба угодила между нашим домом (*№ 24 по улице Сурикова*) и соседним, что на улице Брюллова. Воронка диаметром более десяти метров захватила половину одного и другого домов. К счастью, жильцы уцелели. Благодаря тому, что находились в дальних комнатах.

Это была последняя из взорвавшихся в Соколе бомб. В ту ночь была еще одна. Но в ней вместо тола оказался песок, что и спасло семью в доме № 1 по улице Кипренского.

Низкий поклон женщинам поселка

Мужчин в поселке оставалось совсем немного: это были либо старики, либо специалисты, которых не отпускали с предприятий по «брони».

Посильный вклад в разгром фашистской Германии внесли и ученые Сокола.

И не описать всех трудностей, что свалились на плечи женщин поселка. Работа по 10-12 часов на фабриках и заводах, на транспорте, сооружение оборонительных укреплений.

В здании роддома, примыкавшем к поселку, уже в августе-сентябре 1941 года заработал госпиталь. Десятки соколянок работала здесь – врачами, медсестрами.

Не говоря уже о том, что многим из женщин поселка пришлось эвакуироваться в глубокий тыл, где были свои трудности и лишения.

И все они были одержимы одной целью: все для фронта, все для победы...

Сергей Церевитинов

«ГС» № 3, 1998 г.

Эвакопункт на Песчаной

Эвакопункт этот создан был при авиагруппе особого назначения Гражданского воздушного флота (ГВФ).

Располагалась авиагруппа неподалеку от Сокола. А авиагруппой особого назначения называли ее потому, что предназначена она была для выполнения спецзаданий: отправки в осажденный Ленинград продовольствия, медикаментов и транспортировки оттуда раненых, больных и, конечно, детей. В задачу авиагруппы входило также снабжение боеприпасами, снаряжением партизан. Летали через Ельню, там был промежуточный аэродром.

Помню, привезли к нам, в эвакопункт, мальчика из Ленинграда. Лет семь-восемь было ему: худой, изможденный. Вдруг он увидел в окно кошку, которая бежала через двор, и воскликнул: «У вас даже кошки бегают?» Мы сначала не поняли его изумления. Потом нам объяснили, что в Ленинграде ни кошек, ни собак давно уже нет. Их всех выловили и... съели. Страшно такое было слышать.

А пришла я на работу в эвакопункт, кстати, располагался он в здании Центральной поликлиники ГВФ, что на Песчаной улице, летом 1941 года. (Ныне здесь Медицинский центр Аэрофлота. – *Ред.*) К тому времени основной медперсонал уже был эвакуирован, осталось лишь несколько специалистов, ну и, конечно, медсестры.

Приняли медсестрой и меня, тем более что и мама моя, **Запорожец Людмила Кузьминична**, тут работала – заведующей стоматологическим отделением.

Раненых привозили каждый день. Война словно нам в лицо дышала. Особенно больно было смотреть на летчиков: сплошь обожженные – лица, руки. Лежали они под марлевым пологом. Мы читали им книги, писали под их диктовку письма. Словом, делали все, чтобы облегчить их страдания и ускорить выздоровление.

А раненые все поступали и поступали. Думалось, когда же все это закончится? И верилось: враг будет разбит...

Екатерина Запорожец (ул. Сурикова, д. 23)

«ГС» № 14, 2007 г.

Запахи военного детства

Война! Она где-то там, далеко: летают самолеты, стреляют пушки. Но отчего суета в поселке? Везут бревна и доски, в садах роют щели, валят сосны, распиливают их и вкапывают вдоль шоссе. А сверху натягивают колючую проволоку. На чердаке дома оборудовали пулеметную точку, в саду, напротив, установили минометы, у детского сада – зенитную батарею... Вой сирены, набат колокола.

Это был первый массированный налет фашистской авиации на Москву, 22 июля. Бабушка подхватывает нас с братом, и все вместе мы бежим к станции метро «Сокол». Я удивился: а подушки-то зачем? Бабушка объяснила: отбоя тревоги может не быть до утра, и, возможно, придется заночевать в метро.

Так и случилось. Утром выходим из метро – все вокруг застлано гарью и дымом.

Крепко досталось поселку от вражеских бомб. Помню, перед самым Новым, 1942-м годом взрвали в небе самолеты и буквально рядом раздался грохот. Дом закачался, затрещали стены, посыпалась побелка. Как оказалось, это была 500 - килограммовая бомба. Но не взорвалась. Утром саперы откопали ее и увезли.

Не забыть, как ломали заборы и сараи для топки печей. Не забыть извечный мальчишеский голод. На всю жизнь запомнился запах пирожков из картофельных очистков, лебеды, отрубей и олифы. И еще суп из черного мяса вороны...

Прошли годы. А в сердце – боль: сколько их, безымянных солдат, осталось в земле? В степях, в лесах. И разве не наш долг, живых, установить их имена и достойно захоронить? Этим со своими единомышленниками я и занялся. Мы провели ряд раскопок под Старой Руссой, под Ленинградом, в Карелии, где погиб мой брат Сергей Никитин.

К этому святому делу – поиску останков погибших красноармейцев – подключился и мой племянник Владимир Упадышев. Он возглавляет поисковый отряд МВД РФ «Каскад». Ребятам удалось установить десятки имен погибших бойцов и произвести захоронение сотен и сотен останков погибших.

Юрий Никитин (ул. Левитана, 8)

«ГС», № 14. 2007 г.

Журавлиный клин

Их, курлычущих, устремившихся к югу, я вижу каждую осень. И при этом вспоминаю другой журавлиный клин. Совсем неожиданно он возник в московском грохочущем небе. В лучах скрещенных прожекторов птицы металась как безумные, заглушая криками грохот зениток и свист летящих осколков...

Это была осень 41-го. Ночные налеты вражеской авиации на Москву продолжались с завидной пунктуальностью. Первое время уже к 10 часам утра жители окрестных домов собирались у станций метрополитена, чтобы к началу объявления воздушной тревоги успеть укрыться в туннелях.

На каждой станции дежурила бригада медиков. Поликлиника-больница ГВФ, где я работала санитаркой, была закреплена за станцией «Аэропорт». За ночь дежурства здесь случались и сердечные приступы, и обмороки, и роды.

Приходилось работать и на эвакуационном пункте, который был организован в здании центрального ипподрома. В нашу задачу входило оформление эвакуационных путевок для тех, кто лишился крова. Мы же и отправляли эшелоны с эвакуированными.

К этому времени начались работы по строительству укрепительных сооружений. Поселок Сокол от области отделяла Окружная железная дорога, внутреннюю сторону которой мы, женщины, наращивали, забрасывая песок наверх и делая ее более отвесной. Сверху саперы ставили «ежи» и натягивали колючую проволоку.

Укреплялся и поселок Сокол. Его территорию разделяла баррикада с надолбами и огневыми точками.

На улице Песчаной в парке Сокола и у Пищевого института дежурили расчеты девушек-аэростатниц. Каждый вечер небо Москвы ошетинилось аэростатами, затруднявшими фашистам прицельно бомбить столицу.

Под самый новый, 42-й год фашистский летчик, не сумев пробиться вглубь Москвы, сбросил бомбы на поселок. Одна из фугасок взорвалась на углу улиц Сурикова и Брюллова. Дом № 24 по улице Сурикова, в котором жила семья Церевитиновых, и дом № 3 семьи Шумиловых по улице Брюллова оказались разрушенными. Во многих домах были повреждены стены и выбиты стекла.

В декабре немцев погнали от Москвы. Но впереди предстояло еще много боев, потерь и слез.

Нашу семью тоже не миновали утраты: погибли два моих двоюродных брата, а третий пропал без вести. И, тем не менее, вслушиваясь в сводки Информбюро, которые читал Левитан своим неповторимым голосом, мы верили: победа будет за нами.

Екатерина Запорожец

«ГС» № 12, 2005 г.

ФРОНТОВИКИ

Полковник Громов

Он и в гражданской жизни оставался полковником: подтянутый, собранный, принципиальный, умеющий сказать «Нет!».

Уж что, что, а это его «нет» в бытность его председателем Совета Территориальной общины «Поселок Сокол» хорошо знали в разного рода властных и околowlластных структурах, если вспомнить, какие накатывались на поселок. У поселка пытались изъять часть недвижимости, пересмотреть его границы, ущемить самоуправленческие права. И всякий раз звучало резкое громовское «Нет!».

Это бесспорно: в том, что в поселке было восстановлено общественное самоуправление, и стал он Территориальной общиной, вдобавок получил статус памятника архитектуры – немалая заслуга Петра Алексеевича Громова (ул. Поленова, 1).

По-своему яркая и его военная страница. Война застала его на срочной службе – старший сержант, помощник командира саперного взвода. Воевал на Карельском фронте. Был ранен. Подлечившись, окончил краткосрочные бронетанковые курсы и уже танкистом вернулся на фронт. В звании лейтенанта. И так, на танке, образно говоря, и прошел всю войну.

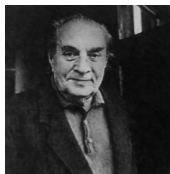
9 мая 45-го встретил под Берлином.

Затем – Академия бронетанковых войск, служба в разных военных округах, в центральном аппарате Министерства обороны СССР.

Дальнейшая биография Петра Алексеевича Громова соколянам хорошо известна. Все свои силы и знания посвятил борьбе за сохранение поселка Сокол как памятника градостроительства 20-х годов XX века – города-сада, как уникального самоуправляемого сообщества граждан.

«ГС» №16, 2008 г.

Пулеметчик Жилис

Всю войну Борис Губертович Жилис прошел, как сам говорил, с пулеметом. Удостоен был и боевых наград: ордена Красной звезды, солдатского ордена Слава и других. Но более всего дорожил он даже не наградой, а знаком – «Отличный пулеметчик».

В октябре 41-го Борису исполнилось шестнадцать лет. За плечами всего ничего – семь классов. Но о продолжении учебы и думать было нечего. Надо было работать, помогать старшим. Устроился на зеркальную фабрику, где изготавливали тогда лопаты. Но вскоре пришла повестка: явиться на сборный пункт.

Зачислил Бориса в литовскую стрелковую дивизию – пулеметчиком. Он же литовец. Наспех обучили стрельбе, и – вперед!

Воевал и старший брат его – Лев Губертович. Он был командиром танкового десантного взвода. Получил тяжелое ранение в голову. Инвалид первой группы...

Закончил Борис Жилис свой боевой путь в Западной Пруссии в составе войск Прибалтийского фронта.

Трижды был ранен. И демобилизовался только в марте 1948 года. В звании ефрейтора. И скорее домой, в поселок Сокол (ул. Поленова, д. 4).

А вот медицина поистине стала его призванием. Если уж точнее – анестезиология. Сорок лет проработал он в Институте Склифасовского. До последнего своего часа.

«ГС» № 12, 2005 г.

Наш дед – легенда

Броницкий Ким Петрович (ул. Поленова, д. 11) – человек поистине был незаурядный: энергичный, сильный духом. Сказать только: до последних дней своих гонял на велосипеде. Но известно и другое: на войну он ушел, будучи подростком. И, конечно же, интересно все это было услышать из уст его внуков Даниила и Никиты Болотских.

– В шестнадцать лет! – не перестают удивляться они. – Нам самим еще не так давно было по шестнадцать. А он в этом возрасте уже воевал.

– У него и имя было необычное: КИМ. Как потом объяснил нам, – Коммунистический Интернационал Молодежи. Детям в те годы часто давали имена в честь революционных деятелей: Владлен – от Владимир Ленин, Сталина – от Сталин, Дзерж – от Дзержинский...

– Направили его на узел связи штаба ВВС Балтийского флота в качестве вольнонаемного радиста. Там он с такими же, как он юными связистами, обеспечивал связь с воинскими подразделениями. Но ситуация в блокадном Ленинграде складывалась все более тяжелая – подступал голод, и командование решило отправить обессиленных малолеток через Ладогу, по Дороге жизни, на «Большую землю».

– Подлечившись, дед снова ушел на фронт. Уже в качестве начальника радиолокационной станции. Было это уже в 43-м году. Станция та подорвалась на mine. Командир и радистка погибли. Дед, к счастью, остался жив.

Потом он воевал на бронепоезде опять-таки радистом, потом – на танке: стрелок-радист. В общем, покидало деда по фронтам. В январе 45-го танк его подбили. И снова ранение. На этот раз тяжелое. Прогноз врачей был неутешительный: ходить не сможет, останется слепым. Дудки! Стал на ноги. Правда, год пришлось поваляться в госпиталях. Война к тому времени уже закончилась.

– Человек он был рискованный: отправился на Север, на полярную станцию в Карском море. Работал там радистом. И штудировал учебники. Его вообще отличала невероятная тяга к новому в науке, технике, особенно в физике. И никогда ни на что не жаловался, хотя болячки порой донимали его.

– Этому и учимся у него: оптимизму, настойчивости. Когда же наступает минута сомнений, отчаяния, невольно мысленно обращаемся к нему: «А как бы он поступил на моем месте? Наверняка преодолел бы трудности». И это прибавляет сил.

«ГС» № 19, 2010 г.

Военврач Ющенко

До войны Нонна Алексеевна Ющенко (ул. Поленова, д. 9) окончила Первый медицинский институт. В 1942 году была призвана в армию.

Работала в военном госпитале – ординатором, но уже очень скоро ей доверили самостоятельные операции. Затем ей, уже старшему лейтенанту медицинской службы, поручили возглавить отделение

эвакуационного госпиталя. Работа здесь была очень напряженная, оперировать, как вспоминала она, приходилось по 12 часов в сутки. И операции порой были сложнейшие.

В апреле 1945 года Нонна Алексеевна была награждена орденом Красной Звезды. Вот строчка из наградного листа: «Через ее руки прошло более двух тысяч раненых...»

После войны Нонна Алексеевна долгое время работала терапевтом. Защитила кандидатскую диссертацию. Семья, дети. А вот второго внука увидеть ей не довелось: родился он на следующий день после ее кончины – в 2001 году.

«ГС» № 25, 2015 г.

Отец и сыновья Макаровы

Снимок сыновей, Андрея и Юрия Макаровых, сделан был уже после войны, когда они вернулись домой (ул. Поленова, д. 15). То-то счастье было для родителей – Аллы Юльевны и Николая Павловича Макаровых! Но и они хлебнули лиха.

Николай Павлович Макаров, известный ученый-аграрий, 23 июня 1930 года был вызван в Кремль на совещание Совета Народных Комиссаров. Во время совещания к нему подошел Сталин: «Вот вы все хвалите фермерские хозяйства США. Возможна ли у нас такая же механизация сельского хозяйства?» «Возможна, – ответил Макаров, – только сначала надо подготовить людей и технику».

Сталину, видимо, такой ответ не понравился.

В ночь на 25 июня Н.П. Макарова арестовали. А в 1931 году решением «тройки» он был осужден «по делу контрреволюционной Трудовой крестьянской партии» на восемь лет. По частичной амнистии срок ему скостили до пяти лет. После освобождения, не имея возможности вернуться в Москву, по совету Николая Вавилова «уехать куда-нибудь вглубь», перебрался в Воронежскую область, где устроился плановиком-агрономом в совхозе «Викторополь». В 1940 году перешел в Миллеровскую

МТС (Ростовская область).

Тут и застала его война. На фронт, понятно, не призвали – возраст. Но известен такой случай. До вступления немцев в Миллерово Николай Павлович велел законсервировать и утопить в реке большую часть сельхозтехники и инвентаря. Немцы так и не распознали об этом.

Активно сотрудничал он с партизанами: был переводчиком на допросах пленных немцев (немецкий-то знал в совершенстве), изготавливал готическим, официально принятым у фашистов шрифтом поддельные пропуска для свободного передвижения людей (подпольщиков).

И все эти годы его ждала жена, Алла Юльевна, писательница, переводчица («Всадник без головы» Майн Рида в русском переводе – ее). И ждала сыновей. И вот они дома. Израненные, измученные...

Андрей первый бой принял уже под Нахабино, зимой 41-го. Потом была Курская дуга, форсирование Днепра, Одера. Прошел всю войну рядовым сапером, четыре раза был ранен. Ордена, медали...

Юрий – артиллерист, командир батарей...

Что дальше? Учеба создание семьи. Андрей Николаевич стал Заслуженным художником РСФСР, Юрий Николаевичем – инженером-конструктором. До конца дней своих работал он в Московском институте электромеханики и автоматики.

Отец же их, Николай Павлович, был реабилитирован только в 1980 году – посмертно.

Но тем и знаменателен дом Макаровых, что здесь свято чтут память предков и уж тем более фронтовое их прошлое...

На снимках: Николай Павлович Макаров; Андрей Николаевич и Юрий Николаевич.

«ГС» № 25, 2015 г.

За взятие Кенигсберга

Мог ли мой дедушка Николай Иванович Графов предположить, что по улицам Кенигсберга доведется пройти ему дважды и в совершенно противоположных ипостасях: сначала в качестве военнопленного (в годы первой мировой войны; он – в колоне таких же, как он голодных и оборванных солдат и офицеров царской армии), потом, уже в годы Великой Отечественной войны, в числе освободителей города от гитлеровских захватчиков (1944 г.), провожая долгим взглядом колону немецких военнопленных. Такой вот поворот.

Н.И. Графов

Вообще личность он – поистине легендарная. Но почему фамилия Графов? Не графом же он был, в конце концов? Нет, конечно. Давние предки его жили в селе, принадлежащем некоему богатому графу. Разумеется, все, кто жили в том селе, тоже принадлежали графу: графовы люди, графов человек. Прозвище «графов» в последствие трансформировалось в фамилию...

Итак, после освобождения из немецкого плена (по условиям Брестского мира) Николай Иванович Графов вступает в ряды РСДРП и уже в скором времени отправляется на борьбу с контрреволюцией. Сражается он в составе 25-й стрелковой дивизии в качестве военного комиссара санчасти.

После окончания Гражданской войны Н.И. Графов работал на различных партийных и хозяйственных должностях.

В 1927 году Графов вместе с семьей переехал в Москву, в поселок Сокол, где приобрел освободившийся за выездом прежних жильцов дом (ул. Поленова, д. 2).

Прошел Н.И. Графов и дорогами Великой Отечественной войны от Москвы до Кенигсберга – в составе подразделений аэродромного обслуживания Центрального фронта.

О том, какими это были дороги, свидетельствую его награды: два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и, конечно же, «За взятие Кенигсберга»...

Марина Графова

«ГС» № 31, 2020 г.

И поделом!

В октябре 1942 года Павла Яковлевича Кирпичева, уже известного художника-баталиста, командировали в Сталинград, где он пробудет до самой капитуляции гитлеровцев – до 2 февраля 1943 года. Создаст там серию зарисовок.

Одна из таких зарисовок поистине трагическая. Сделал ее Павел Кирпичев в пойме реки Сухая Мечетка, откуда началось контрнаступление наших войск. Здесь приметил он подбитый и занесенный снегом немецкий танк и решил зарисовать его. Добро командования получил, но предупредили: будь предельно осторожен. Пальба с той стороны сможет начаться в любую минуту, да и снайперы не дремлют.

Облачили Кирпичева в маскхалат, и пополз он к танку. Подобрался как можно ближе, выбрал место поудобнее и побезопаснее, как учили, за небольшим выступом, и стал быстро рисовать. А мороз под тридцать. Глядь, рядом наш автоматчик. «В чем дело?» – спросил художник. «Комбат приказал прикрыть вас». Ладно, прикрыть, так прикрыть. И тут видят, из башни танка, озираясь по сторонам, выбирается немец. Но почему-то в шинели. Не танкист, значит. Пехотинец. В разгар боя спрятался в подбитом танке и теперь решил пробираться к своим. Вылез (автомат наперевес), прыгнул на снег и, продолжая вертеть головой, двинулся прямо на художника и автоматчика. Автоматчик дал очередь.

Художник оторопел:

– Зачем?

– Он же с оружием, – ответил тот. – И еще неизвестно, кто первым выстрелил бы.

Война есть война...

Кирпичев закончил набросок танка, стремительными, резкими штрихами пририсовал фигуру убитого.

С полночи художник не мог уснуть. «Зачем автоматчик убил того немца? Ведь он же не видел нас, шел наобум. Можно было в плен взять...»

Утром решил сходить на то же место. Один, без прикрытия и никому не докладывая. Подошел к окоченевшему трупу, вытащил из нагрудного кармана содержимое: солдатская книжка, фотографии. Вот он, тот немец, в кругу семьи: мать, отец (отец в кителе), брат, сестра. Вот снова он. С девушкой. Невеста, наверное – белолицая,

белокурая. Снова он: довольный, улыбающийся, а на заднем плане... виселица. Бездыханные, полураздетые тела.

«Сволочь!» – художник швырнул фотографии на снег и заспешил в расположение части: «Значит, правильно поступил наш автоматчик...»

Потом были Румыния, Венгрия, Австрия, Чехия. Пришлось Кирпичеву пройти и дороги войны и на Восточном фронте – от Маньчжурии до Порт-Артура.

В 1952 году Павел Яковлевич демобилизовался. В звании старшего лейтенанта. Вернулся в поселок Сокол (ул. Брюллова, д. 6).

И, конечно же, работал, много работал. Умер Павел Яковлевич Кирпичев в 1999 году, немного не дожив до своего 95-летия.

«ГС» № 16, 2008 г.

Разминулись в Берлине

Необычно порой складываются человеческие судьбы, тем более в военное лихолетье.

Родилась Вера Морева в городе Пушкине Ленинградской области в 1919 году. Место славное, историческое, где, казалось, сама атмосфера пропитана духом искусства, поэзии: рядом Царское Село – памятник дворцово-паркового зодчества, лицей, где учился Пушкин. И неудивительно, что с раннего детства Вера потянулась к искусству, поэзии.

Как не удивительно и то, что наряду со школой окончила театральные курсы и даже некоторое время работала диктором на местном радио.

Но пришлось окончить (время стояло тревожное, предвоенное) и другие курсы – медсестер. Что и предопределило дальнейшую ее судьбу.

В это же время в городе Пушкине в школе авиатехников учился Анатолий Болотов – из Москвы. Точнее из поселка Сокол, куда родители его переехали еще в 1929 году, и где завершил он среднее образование.

Неизвестно, где и как познакомились Анатолий и Вера. В общем, полюбили друг друга. И даже подумывали о свадьбе (ему 25, ей 22). Но до свадьбы ли было? Война!

«Вот закончится война, тогда и поженимся», – решили они.

Знать бы им, что продлится война долгие четыре года.

Мобилизовали Веру Мореву в один из госпиталей Карельского фронта – медсестрой. Анатолия же направили на «закрытый» объект ОКБ им. А.С. Яковлева, где формировалась мобильная группа для ремонта истребителей Як непосредственно на фронтовых аэродромах.

В составе этой группы Анатолий Болотов как ремонтник авиадвигателей и прошел всю войну, перемещаясь с одного аэродрома на другой.

Враг все далее катился на запад.

Иногда Вере казалось, что ее Анатолий где-то рядом. Но встретиться им так и не удалось. Лишь переписывались. «Встретимся уже в Берлине», – написал он ей.

Наконец, Победа! Госпиталь, в котором служила Вера Морева, дислоцировался неподалеку от Берлина, и все, кто был свободен в тот день, отправились к поверженному рейхстагу. Что там творилось! Смех, слезы, объятия, оглушающие небо победные возгласы и автоматные очереди. И автографы на рейхстаговских стенах.

Оставила свой автограф и Вера.

А спустя какое-то время в Берлин приехал Анатолий. И тоже побывал у рейхстага. И как же обрадовался, увидев на одной из колонн «*Вера Морева. Город Пушкин*».

«Слава богу, жива! И тоже была здесь. Жаль, разминувшись...»

После войны Анатолий Петрович и Вера Константиновна поженились. Переехали на жите-бытье в поселок Сокол (*ул. Поленова, д. 13*). Воспитали двух дочерей. Дождались внуков...

Первого болезнь подкосила Анатолия Петровича. Да как сказать болезнь? Его буквально изнутри сжигала горечь за распадающийся Советский Союз, за унижение армии, за попрание всего святого, самой исторической памяти.

После его смерти Вера Константиновна как бы замкнулась, ушла в себя. Неохотно общалась с родными, близкими и совсем не хотела говорить о войне: «Я столько повидала крови, смерти! Всё это хочу забыть. С собой унесу...»

«ГС» № 14, 2007 г.

Лучший радист роты

На фронте Алексей Константинович Наумов был радистом. Что такое связь на войне, говорить не приходится. Она – залог эффективного управления воинскими соединениями, подразделениями.

Родился Алексей Константинович в Ленинградской области в 1913 году в семье железнодорожника. В армию был мобилизован в 1942 году. После окончания краткосрочных курсов военных радистов был направлен на фронт – радист, начальник радиостанции.

От связиста в боевой обстановке очень многое зависело – от его знаний, умений. Именно такие качества проявлял Алексей Константинович. Нередко под артиллерийским и минометным огнем противника. Его называли «Лучший радист роты». Награжден был медалью «За боевые заслуги».

После войны А.К.Наумов работал машинистом-инструктором в Московском метрополитене. Женился на дочери Вальяжниковых Маргарите и переехал в поселок Сокол.

Умер Александр Константинович в 1995 году. В доме № 10 по улице Сурикова живет семья его сына Николая Алексеевича.

«ГС» № 27, 2017 г.

Майор Любимова

«Семья наша поселилась в поселке в 1925 году, в доме № 5 по улице Сурикова, – делилась своими воспоминаниями на страницах газеты «Голос Сокола» Галина Николаевна Любимова. – Было мне тогда два с половиной годика».

«Детство поистине было счастливым, – продолжала она. – Взрослые заботились о том, чтобы выросли мы людьми образованными, всесторонне развитыми. Достаточно сказать, что иностранный язык изучали уже в группе дошколят.

А сколько радости давал нам дом художника-графика Павла Яковлевича Павлинова! Здесь мы занимались рисунком, лепкой, устраивали концерты, кукольные спектакли.

В июне 1941 года окончила я первый курс Московского института иностранных языков – французский язык. А через несколько дней началась война. Как и многие юноши и девушки, я обратилась в военкомат с просьбой направить меня на фронт. Мне же предложили продолжить учебу, но уже на военном факультете. По окончании его я проходила службу в Управлении спецзаданий Генерального штаба Министерства обороны СССР...»

К этому добавим: пришлось Галине Николаевне быть переводчиком в легендарном полку «Нормандия – Неман».

После войны майор Г.Н. Любимова продолжила службу в системе Генштаба, затем перешла на преподавательскую работу.

Умерла Галина Николаевна в 2002 году, не дожив десять дней до своего 80-летия.

«ГС» № 25, 2015 г.

Ах, путь-дорожка фронтовая...

На войне Андреев Николай Алексеевич служил в автомобильном батальоне. Автобат – дело известное: доставка на боевые позиции боеприпасов, продовольствия. Нередко под обстрелами. А вообще поворот в его судьбе оказался более чем пикантным: из референта Министра иностранных дел – в рядовые, на фронт.

Да, работал он у Литвинова, вторым референтом. Но когда Литвинова сняли и его место занял Молотов, в министерстве устроили, что называется, чистку. Попал под увольнение и Андреев.

Устроился он временно в Дорстрой и неожиданно заболел. Болезнь оказалась весьма странной: тропическая малярия. Где он мог ее подхватить, ведь за границу ни разу не

выезжал. На учет его поставили, но в госпитализации отказали. Как мог, лечился дома.

В таком состоянии и застала его война. «Вскочил с постели, – вспоминала вдова Н.А. Андреева Антонина Васильевна: «Всё, иду в военкомат!» Остановить его я никак не могла. Приходит из военкомата: «Собирай вещи. Ухожу на фронт!» А было ему в ту пору 29 лет. А мне 23 года. И было у нас двое детей. 3 июля я проводила его на сборный пункт. И представить не могла, что рассталась с мужем на долгие четыре года...»

Да и первое письмо от него получила Антонина Васильевна спустя полтора года, уже находясь в эвакуации. Чего только не надумалось за это время! Как потом он сам объяснил ей, не писал потому, что бросали его из части в часть.

Потом письма стали приходить чаще: из Белоруссии, Польши, из Берлина. Писал кратко: «Все у меня хорошо. Скоро буду!»

Стали приходить пособия. Значит, муж был уже офицером.

Демобилизовался Николай Алексеевич Андреев в июле 45-го в звании старшего лейтенанта. Явился домой (ул. Сурикова, д.15). То-то радость была! Все собрались в большой комнате: родители, дядя, дети. «Жизнь, – сказал он, – начнем сначала. И все у нас будет хорошо».

И в принципе все было хорошо. Пошел он работать в органы МВД. Дослужился до полковника. Выросли дети, выучились. Правда, на пенсию его буквально вытолкнули, ровно в 50 лет. На здоровье-то жаловался. Да и пенсию назначили небольшую: 92 рубля. Прожил он еще восемь лет.

На фото: Н.А. Андреев с дочурками – Мариной и Юлей.

«ГС» № 12, 2005 г.

Машинистка политотдела

Всю войну Зоя Алексеевна Молодцова прошла в составе политотдела 13-й армии – от города Ливны, что в Орловской области, до Берлина.

Случилось, как случилось. С началом войны Зоя, тогда совсем еще девчушка, вместе с мамой эвакуировалась в город Котовск Тамбовской области – к родне. Там устроилась она на завод по производству взрывчатки.

Но немец и сюда достал. Бил прицельно, именно по заводу. Завод срочно передислоцировали в другую местность.

Вернулась Зоя в Котовск в октябре 1942 года. К этому времени она уже окончила курсы машинописи и стенографии. Устроилась в газету «Голос рабочего». И вот как-то вызывает ее главный редактор и говорит, что в Котовске сейчас находится представитель политотдела 13-й армии, он набирает машинисток. Не пойдет ли она? Зоя согласилась.

Работа вообще оказалась адовой. Пишущая машинка громоздкая, устаревшая. В лучшем случае 7-8 экземпляров пробивала, и то на папиросной бумаге. А нужно было изготовить 80 и более экземпляров. И все срочно. Руки отваливались...

Как и вся 13-я армия, День победы над Германией мая Зоя Молодцова встретила в Берлине...

Мирные годы. Любимый поселок Сокол (ул. Сурикова, д. 23). Дети, внуки, правнук.

А военная машинописная школа пригодилась: в 1951 году ее пригласили на работу в отдел тяжелой промышленности ЦК КПСС, где она и проработала четверть века...

«ГС» № 14, 2007 г.

Школьный учитель

Борис Феофанович Лапицкий всю жизнь прожил в Соколе (ул. Сурикова, д. 27).

В 1938 году окончил он филологический факультет Московского педагогического институт им. В.И. Ленина и стал школьным учителем – преподавал русский язык и литературу. Когда началась война, ушел на фронт. Было ему 27 лет.

Хорошо знал и немецкий язык. Потому и пригодился как военный переводчик, а впоследствии – как инспектор приемных пунктов для немецких военнопленных.

После окончания войны еще некоторое время Лапицкий служил в Берлине в качестве всего того же переводчика. Демобилизовался в 1946 году в звании старшего лейтенанта.

И снова школьный учитель.

И две награды считал главными в своем послужном списке: медаль «За победу над Германией» и знак «Отличник народного просвещения».

«ГС» № 16, 2008 г.

Слово об отце

А.Ф. Жуков

Фронтovou биографию отца моего, Жукова Александра Федоровича, можно уместить в две строки: в августе 1941 года ушел на фронт, хотя и полагалась ему «бронь» как инженеру-теплотехнику, в июле 1942 года вернулся. Инвалидом.

Впрочем, многим ли удалось пройти войну от начала до конца? Пуля

могла случиться уже на следующий день. Или осколок.

Отца моего нашел осколок. И раздробил кисть правой руки. Понятно, к службе он уже был не пригоден. А был он, добавлю, «начхимом», начальником химической службы полка. (Еще до войны окончил спецкурс при Академии химзащиты.)

После Победы 45-го отец (лейтенант запаса) в составе комиссии по репатриации был направлен в Германию для определения приемлемых материальных ценностей в плане возмещения ущерба, нанесенного войной экономике Советского Союза. Со своей задачей комиссия справилась. Другое дело, что союзнические государства, исправно получив свое, всячески препятствовали поставкам германской контрибуции СССР.

Затем работал он на разных инженерных должностях и, наконец, устроился уже по основной своей специальности в институт «Мосгазпроект». Кстати, писать и чертить научился левой рукой.

Участвовал в проектировании в Москве газовых сетей. Дело это было новое. Поэтому его и ряд других сотрудников института командировали на стажировку в США. По возвращении из командировки такой проект – газификация Москвы – они подготовили, за что были удостоены Сталинской премии. В 1946 году.

Кстати, из Америки они привезли образцы бытовых газовых приборов. Приборы эти в испытательных целях были установлены в новых домах Москвы, в том числе в некоторых коттеджах Сокола.

Собственно, Александр Федорович Жуков явился прародителем газификации поселка Сокол, в один из домов которого в последствие с семьей и переехал (ул. Сурикова, д. 23-а)...

Михаил Жуков
«ГС» № 16, 2008 г.

Брат и сестра

К началу войны **Николай Георгиевич Петров** (ул. Венецианова, д. 3) оканчивал Институт связи. Факультет ту же был преобразован в военный. По завершении учебы в звании лейтенанта он был направлен в Главное управление связи.

Затем направили его в противотанковый полк истребительной бригады. В боях под Воронежем бригада попала в окружение. Из западни удалось вырваться.

Уцелевшие ее останки разбросали по разным частям.

Николая Георгиевича направили в батальон связи. И последовали новые фронтовые дороги.

День Победы встретил в Праге.

В послевоенные годы вплоть до выхода на пенсию преподавал основы электро-и радиосвязи в Московском энергетическом институте.

А сестра его **Вера Георгиевна** оставалась в Москве (ул. Венецианова, д. 3) – работала на разных оборонных заводах. После войны продолжила учебу в университете. И всецело занялась научной деятельностью (в НИИ дефектологии): доктор филологических наук, действительный член Академии педагогических и социальных наук...

«ГС» № 7, 2000 г.

Апрельский лед

Уже на следующий день после объявления войны я явился в райком комсомола, и меня направили на курсы военных радистов. Однако на фронт (мне не было 18-ти) меня не взяли.

Потом я эвакуировался с родными в Казань. Там я учился на телеграфиста-бодиста. Был такой буквопечатающий аппарат с пятью клавишами. После окончания курсов зачислили меня в сформированный в Казани отдельный батальон связи 26-й армии, находившейся в резерве Волховского фронта.

10 января 1942 года армия, преобразованная во 2-ю Ударную, вступила в бой с немецкой группировкой «Север».

Моя личная задача на фронте была более чем скромная. Я должен был «играть» на клавиатуре аппарата Бодо, передавая шифровки в штаб фронта.

Но еще в январе в наш батальон прибыли бодисты-девушки из Московского телеграфа, и нас, явно слабеньких бодистов-казанцев, отстранили от аппаратов.

Основным нашим оружием теперь стали лом и лопатка для рытья окопов и блиндажей да пила с топором для строительства перекрытий. Еще ходили в караул.

В марте 1942 года, когда армия оказалась в окружении, часть красноармейцев из нашего батальона, в том числе и меня, направили на пополнение передовых подразделений. Мы оказались на берегу реки Тигода, притоки Волхова.

В ночь на 1 апреля началось наступление. Нам нужно было ползком по льду пересечь реку, забраться на высокий берег и, забросав дот гранатами, ворваться в него.

Нас немцы тут же обнаружили и открыли пулеметный и минометный огонь. Лед начал ломаться, и все мы вместе с командиром бросились обратно к оврагу. К счастью, обошлось без потерь.

Вторая атака была уже ярким, по-весеннему солнечным утром 4 апреля. В ней участвовало уже довольно много солдат. Накануне ночью саперы прокопали в снегу на склоне реки наискосок траншеи, по ним мы и начали спускаться. Немцы нас не видели, но едва первые группы появились на льду, снова открыли огонь.

Я был примерно на середине спуска, когда рядом разорвалась мина. Осколок ее и попал в меня. На волокуше, запряженной четверкой лаек, санитары домчали меня до медсанбата.

Рентген показал: раздроблена коленная чашечка. Потом – гангрена. Ногу ампутировали.

Вот так очень скоро и круто разобралась со мной война: десять дней на передовой, и конец моего военного пути.

Кстати, тот вражеский дот ребята все же взяли...

Послевоенные мои годы, так уж распорядилась судьба, были связаны с обороной. МАИ: инженер-конструктор заведующий лабораторией. Потом – НИИ «Алмаз». Или, если проще, разработка лазерной системы управления ракетами и наведения их на цель.

Натан Айзенберг (ул. Кипренского, 4)

«ГС». № 14, 2007 г.

Фельдъегерь Горюнов

Впервые я увидела отца моего, Горюнова Григория Ивановича (ул. Верещагина, д.8), когда он уже вернулся с войны – осенью 45-го. Было мне тогда четыре годика.

Помню, вошел он в дом, а бабушка – в слезы, обнимает, целует его. Я стою рядом и никак не могу понять, кто такой этот дядя. «Папа, я твой папа!» – кричит он и поднимает меня на руки. Привез подарки, гостинцы.

Я долго потом еще к нему присматривалась: какой-то он не такой, как на фотографии...

Призвали его в армию с четвертого курса института. Направили в военное училище в Краснодар. Закончить учебу, однако, не довелось. В полном составе училище бросили в Сальские степи под Сталинград.

Там-то отца и ранило. Под правый глаз. Два месяца пролежал в госпитале, зрение постепенно вернулось, но глаз постоянно слезился. Стрелять, стало быть, уже не мог. И перевели его в фельдъегерскую службу.

Казалось бы, что еще лучше? Вози себе депеши. Но, как говорил отец, смертность здесь была даже выше, чем в войсках. Жизнь фельдъегеря постоянно висела на волоске и во многом зависела от того, как сможет он увильнуть от обстрела, от вражеского снайпера. За фельдъегерями ведь немцы охотились: чем не ценный «язык»?

Так и прошел он всю войну: верхом на лошади по обочинам разбитых дорог, по глухим лесным тропам. Смоленск, Белоруссия, Кенигсберг. В Европе уже ездил на трофейном мотоцикле.

Вернувшись с фронта, отец устроился на авиационный завод. Потом работал в Министерстве авиационной промышленности.

Но силы с каждым годом таяли. Давали знать о себе ранения, фронтовые лишения. Как-то рассказывал, добравшись до передовой, весь промокший и обессиленный, завалился в землянку и уснул. И примерз к земле. Наутро еле отодрали его.

Конечно же, это не прошло бесследно. Заболел воспалением легких. Пол легкого удалили. Умер в 60 лет.

Марина Владимировская

«ГС» № 12, 2005 г.

Мы вели машины...

Борис Галанин (ул. Сурикова, д. 16/7) с детства мечтал стать шофером. И мечта его сбылась: еще в школьные годы окончил он водительские курсы.

И это потом пригодилось ему в армии: стал фронтовым шофером. Исколесил пол-Европы.

*«Мы вели машины, объезжая мины,
По путям-дорогам фронтовым...»*

С сентября 1943 года он – водитель госпитальной полуторки на Белорусском фронте. Был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Из наградного листа: *«Ст. сержант Галанин за время наступательных боев в Вост. Пруссии проделал большую работу по перевозке имущества, подвозу продовольствия для госпиталя, принимавшего большие потоки раненых.»*

После войны Галанин продолжал водить машины – грузовые, легковые. Работал и таксистом. И охотно помогал молодым, и не только молодым, освоить шоферскую профессию. И частенько за застольем, окинув веселым взглядом присутствующих, напевал: *«Мы вели машины, объезжая мины...»*

Умер Борис Павлович Галанин в 1995 году.

«ГС» № 31, 2020 г.

Отец и сын: последняя встреча

Дмитрий Николаевич и Ольга Викторовна Гардинги и их дети поселились в доме № 10 по ул. Верецагина в 1928 году.

Гардинги... Фамилия и вправду необычная, и наверняка носителям ее не раз приходилось объясняться по сему поводу, в том числе перед компетентными органами, что, да как? Да все просто: некогда предок их, известный общественный деятель Самары, член Государственного совета Николай Александрович Шишков влюбился в гувернантку-англичанку Магдалину Гардинг. У них родился сын Дмитрий. От него, Дмитрия Николаевича, и пошла новая ветвь Гардингов. И это он привез свое семейство в поселок Сокол в дом № 10 по улице Верецагина.

А приехали Гардинги со станции Окуловка, что на полпути от Ленинграда до Москвы, где в 1925 году и родился сын Сергей.

Потом семья переехала на станцию Просница, что под Кировом, где разворачивалось строительство крупного бумажного комбината. Оттуда Сергей и ушел на фронт. В апреле 1943 года.

Довелось пулеметчику Сергею Гардингу воевать и под Сталинградом, и под Курском.

20 июня 1944 года он был ранен, «находясь на переднем крае».

А родители к этому времени вернулись в Москву. К осени 1944 года здоровье отца очень ухудшилось: гипертония. 6 октября 1944 года он скончался в больнице.

А за неделю до смерти судьба подарила ему последнюю радость: встречу с сыном. Так случилось, что для продолжения лечения Сергей Гардинг был доставлен в подмосковный госпиталь, в Абрамцево. Об этом узнал отец и навесил его. Это была последняя их встреча.

На фронт Сергея уже не брали, а направили учиться – на военный факультет ГСМ при Московском нефтяном институте им. Губкина. В 1949 году окончил академию. Службу проходил в Борисоглебском авиационном училище (Воронежская область). Начальником отдела ГСМ.

В июле 1953 года Сергей Дмитриевич Гардинг трагически погиб.

«ГС» № 31. 2020 г.

Танковый прорыв

Когда началась война, я только-только окончил второй курс Московского института механизации сельского хозяйства, и уже в июле был мобилизован на строительство оборонительных рубежей у города Рославль, что в Смоленской области.

И представить тогда не мог, что спустя несколько лет стану участником тяжелейших боев на этой земле.

А пока я студент. Как правило, студентам давали возможность доучиться или же направляли их в близкие по профилю военные училища, академии. Вот и меня в январе 1942 года зачислили слушателем третьего курса Академии бронетанковых войск. Я еще шутил по этому поводу: хотел стать трактористом, а стану танкистом. Направили меня на фронт в качестве помощника командира по технической части танкового батальона.

Теперь возвращаюсь к тем боям на Смоленщине. Было это в марте 1944 года. Наш батальон дислоцировался между реками Днепр и Сож. Места здесь лесистые и болотистые.

Командование фронта поставило батальону задачу: произвести уточненную разведку сосредоточения немецкой пехоты, танков, огневых точек и самое главное взять «языка».

Добыть удалось многое: топографические карты, схемы расположения войск, техники. Что и легло в основу разработанного командованием плана наступления.

Началось оно в ночь на 21 марта. Для начала позиции противника, как водится, обрабатывали артиллерия и авиация. Затем за дело взялись «катюши». И потом пошли танки. Это поистине был бросок. Местами наш батальон прорвал оборону противника до 25 километров.

Сражение было очень тяжелое с большими потерями с той и другой стороны. Но немцев мы все же смяли. Потом были другие бои. Но этот на Смоленщине навсегда запомнился...

В послевоенные годы я занимался делами сельского хозяйства. Так сказать пересел с танка на трактор. Работал в объединении «Россельхозтехника». Автор ряда методических пособий. Горжусь, что они по-прежнему актуальны и по ним учатся студенты профессиональных училищ, колледжей...

Николай Никонов (ул. Сурикова, д. 7)

«ГС» № 18, 2009 г.

В 2019 году Николая Никитовича Никонова не стало. Он был последним из соколян фронтовиков.

ТРУДОВАЯ ВАХТА

И у станка, и в медсанбате...

Мужчины-соколяне, не подлежащие призыву в армию (по возрасту или вследствие наличия «брони»), внесли свой вклад в дело разгрома врага.

Это, прежде всего, конструкторы, инженеры, специалисты оборонных НИИ и предприятий: **В.Г. Федоров**, старейший отечественный оружейник; **В.В. Тихомиров**, создатель передвижных наземных и авиационных радиолокаторов, лауреат Государственной премии СССР; **С.М. Алексеев**, авиаконструктор, изобретатель спецпарашюта; **Б.П. Терентьев**, создатель радиостанции большой мощности для связи Ставки верховного командования с эвакуированным в Куйбышев (ныне Самара) правительством страны; **К.А. Сарычев**, разработчик систем авиационного вооружения (крылатых ракет, самолетных торпед), лауреат Государственной премии СССР; профессор **А.С. Сипягин**, в короткие сроки наладивший производство пороха на сугубо гражданских объектах; профессор **Ф.В. Церевитинов**, разработавший рациональные в условиях военного времени рецепты питания на основе дикорастущих растений; **Н. Некрасов**,

токарь танкоремонтного завода (за мостом через Окружную кольцевую железную дорогу) – впоследствии был удостоен Сталинской премии, как и Сипягин, Алексеев...

Врач с большим стажем **А.П. Тамбовцев** с началом войны был задействован на создании на базе гражданских лечебных учреждений военных госпиталей. Он в частности организовал госпиталь в здании роддома № 16, что на территории поселка Сокол.

Непомерный труд лег и на плечи женщин. Они участвовали в строительстве оборонительных сооружений в районе Химок, под Истрой – **Наталья Никонова, Елизавета Солнцева, Клавдия Точкина...**

Девушки поселка в качестве медсестер (после краткосрочной подготовки) дежурили на станции метро «Сокол», которая во время вражеских налетов служила бомбоубежищем, работали в госпитале, разместившемся в здании бывшего роддома – **Клавдия Бугаева.**

Людмила Запорожец в годы войны работала в медпункте при авиагруппе особого назначения, что располагался в здании Центральной поликлиники ГВФ на Песчаной улице – подполковник медицинской службы. Там же санитаркой трудилась и ее дочь **Екатерина Запорожец.**

Трудились девушки Сокола и непосредственно на оборонных предприятиях: **Галина Федорова** – на заводе боеприпасов, **Зинаида Панфилова** – на Щёлковской фабрике по производству противоопитных накидок, находясь, по сути, на казарменном положении.

Нелегко женщинам приходилось и в эвакуации. Так, **Аристовая Ольга Павловна**, эвакуированная в Курган, работала на заводе по производству снарядов. Эти снаряды после смены (в основном ночью) вместе со всеми и отгружала...

«ГС» № 30, 2019 г.

Оружейник Федоров

Бывший царский генерал, он же – Герой Социалистического Труда

Родился **Владимир Григорьевич Федоров** в 1874 году в Петербурге. После окончания Михайловской артиллерийской академии был направлен на производственную практику на Сестрорецкий оружейный завод, начальником которого был Мосин. Да, тот самый Сергей Иванович Мосин – создатель (1891 г.) знаменитой трехлинейки – три линии калибра ствола: 7,62 мм (одна линия – 2,5 мм).

Винтовка Мосина (магазинная, пятизарядная) считалась лучшей в Европе, если не во всем мире. Уже к началу XX века на вооружении российской армии находилось более 3 млн трехлинейек. Трехлинейка была очень популярной в войсках.

Мосин тут же приметил способного, творчески мыслящего молодого оружейника. Тот же, в свою очередь, не скрывал, что хотел бы сконструировать автоматическую винтовку, то есть без ручной (повторительной) ее перезарядки. И добавил, что намерен

взять за основу его, Мосина, винтовку, многократно доказавшую свою надежность. Мосин не возражал: «Держайте, молодой человек!»

И Федорову удалось создать такую винтовку: *само-зарядную*. В 1906 году. А по сути – он модернизировал мосинскую винтовку. И всего, казалось бы: снабдил ее магазином из пяти патронов и устройством для автоматической подачи их в затворник. Но за этим

стояли годы расчетов, поисков, испытаний. Винтовку запустили в производство. Первая партия была изготовлена на том же Сестрорецком заводе.

В.Г. Федоров (он уже генерал-майор)

продолжает совершенствовать свою винтовку-автомат. Одна из них калибра 6,5 мм и с приставным магазином емкостью 25 патронов оказалась особенно удачной. Она позволяла вести как одиночный, так и автоматический огонь. Такого вида автоматы (а было выпущено их более трех тысяч штук) успешно использовались русской армией в годы Первой мировой войны.

Советская власть благосклонно отнеслась к талантливому оружейнику, пусть и царскому генералу, и постановила продолжить производство таких винтовок-автоматов разных калибров уже на Ковровском заводе. Заводом Федоров и руководил - 19 лет. Создал там и проектно-конструкторское бюро. Здесь под его руководством и в содружестве с оружейниками В.А. Дегтяревым, Г.С. Шпагиным, С.Г. Симоновым и другими было разработано несколько образцов пулеметов – авиационных, танковых, зенитных.

В 1928 году В.Г. Федорову за заслуги в оружейном деле в числе первых в СССР было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В июле 1931 года Федоров с женой переезжает из Коврова в Москву, в поселок Сокол (*Малый Песчаный переулоч, д. 7*). И продолжает работать, уже находясь в отставке – в Проектно-конструкторском институте наркомата обороны.

Автоматические винтовки Федора прекрасно зарекомендовало себя и на фронтах Великой Отечественной войны.

Умер Владимир Григорьевич Федоров в 1966 году. Похоронен он на Головинском кладбище. Министерство обороны СССР установило на его могиле памятник.

«ГС» №24, 2014 г.

Он дал самолету «глаза»

Имя его долго время было засекречено, как и дело, которым он занимался – радиолокацией. Итак, Виктор Васильевич Тихомиров.

Радиолокацией активно занимались и в фашистской Германии, и в США, и в Англии. В СССР тоже были свои так называемые радиоуправляемые самолеты, но, как показала финская компания,

были они весьма несовершенными и по дальности действия, и по мобильности. Ну, представьте себе, локатор размещался на трех автомобилях.

Тихомирову, тогда сосем еще молодому конструктору, поручили в кратчайшие сроки модернизировать радиолокатор на... одном автомобиле. С задачей он справился, и уже к началу войны было изготовлено десять таких комплектов. Все они тут же были включены в спешно формирующуюся Московскую зону ПВО. Всего же за годы войны было произведено, по разным данным, от 300 до 400 таких комплексов.

Потом были другие, более мощные локаторы (он – заведующий лабораторией по созданию радиолокаторов НИИ Наркомата электропромышленности – в 29 лет!).

Родина по достоинству оценила конструкторские достижения В. Тихомирова: две Сталинские премии 1-й степени, орден Красной звезды, медали.

Да и в личной жизни все наладилось: он обрел семью. Все вместе – жена Галя, два сына – обосновались в поселке Сокол (*ул. Саврасова, 3*).

Война позади.

Но конструкторскую мысль не удержать. Тихомирова же давно мучила идея самолетного (бортового) локатора, с помощью которого летчик мог бы точно наводить самолет на цель. Апробировать такой прибор решено было на МиГ-15. Результаты превзошли все ожидания: «Изумруд», так назвали прибор, обнаруживал цели на расстоянии 10-12 километров.

Следует третья Сталинская премия и второй орден Ленина...

Придут самолеты нового поколения, и на них будут те же тихомировские «Изумруды», «Алмазы», «Тайфуны», конечно, уже более совершенные.

«ГС» № 14, 2007 г.

Снаряды для «Катюши»

После окончания московского машиностроительного института Николай Котов устроился на завод шлифовальных станков: мастер, старший мастер. И тут – война.

Жена с годовалой дочуркой уехала в эвакуацию, в Кустанай. Сам же Николай вместе со многими заводчанами был отправлен в Челябинск, где налаживалось производство корпусов снарядов для

Н.П. Котов

«Катюш». Он – инженер-конструктор, начальник КБ. А, надо сказать, спрос на снаряды у реактивных дивизионов «Катюш» возрастал день ото дня.

В 1944 году Николай Павлович вернулся в Москву, в поселок Сокол (*ул. Поленова, 1*). Еще раньше вернулась жена с дочуркой. Жизнь вступала в мирное русло. Есть и награды: Орден Знак Почета, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Но и не предполагал тогда, что страна еще не раз

отметит его трудовые достижения. И связано это будет с участием его в создании ядерного щита страны – орден Трудового Красного Знамени, Сталинская премия.

Наталья Котова

«ГС» № 31, 2020 г.

Сокол – Щёлково

После окончания Московского текстильного института я получила направление на работу в город Щёлково Московской области – на фабрику химической обработки технических тканей. А жила в Москве, в поселке Сокол. На работу ездила на электричке. Только в один конец дорога занимала не менее двух часов.

В ассортименте продукции фабрики был такой материал: ледерин (от немецкого *Leder* – кожа). Использовался он в полиграфической промышленности для книжных переплетов. И вот от Госполитиздата поступил заказ: изготовить ледерин для 4-го издания собрания сочинений В.И. Ленина.

Весной 1941 года мы начали поставку ледерина в ленинградскую типографию Госполитиздата. Вскоре на фабрику в Щёлково поступила «грозная» бумага: на переплетах первых экземпляров книг, выставленных в витрине магазина на Невском проспекте, появился фиолетовый оттенок (цвет побежалости).

Позже мы поняли, что этот оттенок – результат воздействия яркого солнечного света, но тогда... А тогда всех и каждого в том числе и меня как контролера готовой продукции, стали обвинять во вредительстве.

В разгар этой кампании, 22 июня 1941 года, началась война. И наше «дело» само собой прекратилось.

Фабрику переориентировали на производство военной продукции: противоопридных накидок. (Иприт – отравляющее вещество кожно-нарывного и общетоксического действия.) Меня назначили начальником лаборатории.

И все переживала: как там дома? К этому времени в Соколе уже были пострадавшие от вражеских бомбежек. В Москве вообще было неспокойно. Началась массовая эвакуация предприятий с их оборудованием и персоналом.

Мои родственники тоже эвакуировались. Братья, Борис и Сергей, были в действующей армии, отец – в ссылке, а мама к тому времени умерла. Так что осталась в родном доме в Соколе я одна.

Иногда мне разрешали отлучиться домой (*ул. Левитана, д. 4*). Но электрички ходили настолько нерегулярно, что я не могла быть уверена, вернусь ли вовремя на работу. Поэтому чаще всего ночевала на фабрике...

После разгрома немецких войск под Москвой многие ведомства, на время прервавшие свою деятельность, снова заработали. Вновь открылся и Наркомтекстильпром, куда зимой 1942 года меня и перевели на работу в один из главков... А братья с войны не вернулись – погибли.

Зинаида Панфилова

«ГС», № 12, 2005 г.

Война заглянула в глаза...

П.К. Яковлев

Слышал и читал, что во время массированного налета фашистской авиации на Москву 22 июля 1941 года в результате прямого попадания бомбы в «щель» у дома 17/6 по улице Сурикова в поселке Сокол погибла вся семья Шатиловых.

Это не так. Мама моя, Валентина Сергеевна Шатилова, и я (мне едва минул годик) были в это время уже далеко, в Казахстане, куда нас, как сотни, тысячи московских семей отправили в эвакуацию. А отец мой

Павел Кузьмич Яковлев (по матери я – Шатилов, а по отцу – Яковлев) в тот роковой день, точнее вечер еще не вернулся с работы. Да, погибли мамини две сестры. Это была большая трагедия для семьи.

Потом завод, на котором работал отец, был переведен в Куйбышев. Там в спешном порядке разворачивалось массовое производство истребителей Ил-2. Люди работали в тяжелых условиях, порой под открытым небом. И, тем не менее, выпуск самолетов шел плохо.

Как-то наткнулся на телеграмму Сталина в Куйбышев директору завода М.Б. Шенкману: *«Вы подвели нашу страну и Красную Армию... Самолеты Ил-2 нужны нашей Красной Армии теперь как воздух, как хлеб... Если завод думает отбрезнуться от страны, давая по одному Ил-2 в день, то жестоко ошибается и понесет за это кару. Прошу вас не выводить правительство из терпения и требую, чтобы выпускали побольше Илов. Предупреждаю последний раз. Сталин».*

После такой телеграммы истребителей Ил-2, действительно, стало поступать во фронтовые части больше. К решению задачи было подключено сразу несколько заводов. К началу Курской битвы ежемесячно на фронт поступало уже по тысяче с лишним Илов. А всего за годы войны их было выпущено свыше 36 тысяч. И, несомненно, в этом есть и скромный вклад токаря-фрезеровщика Павла Кузьмича Яковлева, моего отца.

Из эвакуации он вернулся летом 1944 года. Приехал в поселок Сокол, а дом-то – чужой. Из четырех комнат лишь одна была свободна. И ту с трудом удалось отстоять. Потом подъехали мы с мамой.

И все ждали окончания войны. И такой день наступил: 9 мая 1945 года. Все устремились к Красной площади, где было просто не протолкнуться. Играли оркестры, люди танцевали, у некоторых на глазах были слезы...

**Валерий Яковлев
(Шатилов)**

«ГС» № 31, 2020 г.

Куйбышата

Октябрь 41-го. Мы с сестрой Верой стоим у причала Южного порта, держась за руки и молча глядя друг другу в глаза. Расставание. Я уезжала в эвакуацию в составе военного факультета Института иностранных языков.

На небольшом пароходе находились слушатели, командование, преподаватели нашего факультета, некоторые – с детьми и родителями. Со мной была моя мама.

Два дня мы плыли вниз по Волге, не зная куда. Место назначения было известно только начальнику факультета. На третий день последовала команда выходить. Километра четыре шли пешком до поселка Ставрополь-на-Волге.

Часть прибывших, в основном семьи с детьми, устроили в домах местных жителей, в том числе и меня с мамой. Остальных разместили в километрах трех от поселка, в бывшем туберкулезном санатории.

Теснота была невероятная – и для проживания, и для проведения занятий. Некоторым студентам-слушателям пришлось поселиться в лесном домике примерно вдали от учебного корпуса.

Однажды, когда мы самой были дома, дверь в комнату открылась и вошла... Вера. Сестра моя. Мы с мамой глазам своим не поверили. Вера рассказала, как проходила эвакуация работников их завода. Как потом плыли по Волге.

Доплыли до Куйбышева (так тогда называлась Самара), где неподалеку начиналось строительство нового военного завода. Случайно Вера услышала от хозяйки, у которой остановилась, что неподалеку, у поселка Ставрополь-на-Волге, в здании бывшего туберкулезного санатория находятся какие-то курсы иностранных языков. И поспешила туда. Так мы нашли друг друга.

Время шло. К нам, в институт, все больше и больше прибывало совсем юных, одержимых горячим желанием скорее освоить немецкий язык и отправиться на фронт. Мне запомнилась группа девятиклассников из Куйбышева – три мальчика и три девочки, которые пришли к нам зимой 42-го, одолев пешком почти сто километров. Мы ласково называли их – куйбышата. Пройдя ускоренный курс обучения, они, как и другие слушатели факультета, ушли на фронт переводчиками.

Наша эвакуация закончилась в ноябре 43-го. В темную холодную ночь у волжской пристани мы ждали прибытия парохода. Толпились у пылавших костров и пели нашу песню:

Прощай, Ставрополь-Волга,
где жили долго.
И ранней порой звенит над кормой
Заветное слово *домой*.

Ольга Куклина (ул. Поленова, д. 11)

«ГС» № 12, 2005 г.

Жизнь прожить – не поле перейти

Родилась Антонина Васильевна Андреева на Урале в городе Чусовой Пермской области в многодетной семье – девять детей.

Когда родителей не стало, самому младшему из детей, Антонине, было три с половиной годика. Жить всем стало нелегко. И тогда руку помощи осиротевшей семье подал брат по матери Соболев Александр Иванович, проживавший в Москве.

– Жили было очень тесно, – вспоминает Антонина Васильевна, – в крохотной комнатке. Но потом переехали в поселок Сокол, в отдельный дом. Дядя тогда работал в Центросоюзе и являлся одним из застройщиков поселка.

Окончила Антонина семь классов и решила идти работать: не хотелось сидеть на шее у дяди. Он помог устроиться ей в Наркоминдел (Народный комиссариат иностранных дел) – секретаршей. Там она и познакомилась со своим будущим мужем: Андреевым Анатолием Алексеевичем, который был у наркома Литвинова вторым референтом. Поженились. Родились дочки: Марина и Юлия. И тут война.

– Как такое возможно? – встrepенулась Антонина Васильевна. – Прихожу домой, а на столе записка: «Забирай детей и уезжай в Вольск. Я уйду на фронт». Даже не попрощались. Забрала я детей и уехала в Вольск, что в Свердловской области, к дальним родственникам. Остановиться у них, правда, не удалось, устроилась в общежитии. Некоторое время работала в строительной организации бухгалтером.

Потом перешла на работу в детский сад, куда водила и детей. Здесь хотя бы с питанием проблем не было. А вообще, должна сказать, в Вольске нас, эвакуированных, принимали очень тепло. Чем могли, готовы были поделиться, поддержать добрым словом.

– Домой, в поселок Сокол (улица Сурикова, дом 15) вернулась в 1944 году, – продолжает Антонина Васильевна. – Через год и муж вернулся. Живой! Решил продолжить службу. Но уже в органах МВД. Я и сама стала работать: на зеркальной фабрике. Бухгалтером. Достаток появился. К сожалению, муж все более заболел. Умер

он, не дожив до шестидесяти. И снова все заботы в семье легли на мои плечи, – вздохнула, – жизнь прожить – не поле перейти...

«ГС» № 27, 2017 г.

От редакции. Антонина Васильевна Андреева прожила долгую и сложную жизнь: война, оккупация, послевоенные тяготы, болезнь и смерть мужа. Словом, своя путь-дорожка. Умерла А.В. Андреева в 2019 году, немного не дожив до 102 лет. Она поистине стала долгожителем поселка.

Письма из эвакуации

С началом войны многие семьи поселка (женщины, дети) вынуждены были эвакуироваться. Отправилась в дальний путь с двумя детьми (Сергей и Лева) и жена Алексея Волковского Ирина, а с ними и его сестра Дина: в деревню Сухрино Шадринского района Челябинской области. Сам глава семейства, Алексей, к этому времени уже был на фронте.

Вот некоторые выдержки из писем Ирины Львовны в Москву, родственникам.

18 августа 1941 г.

... Мы устроились хорошо, место здесь очень хорошее: река, лес, много грибов и ягод... Работаем в колхозе – на огороде, зарабатываем по 1,1-1,25 трудодней за день... Ребята второй день ходят в детский сад, они довольны.

30 сентября 1941 г.

... Всё очень дорожает, но здесь с удовольствием меняют (1 кг масла за 5 м ситца)... Электричества, конечно, нет и вообще со светом очень плохо, т.к. керосина почти нет.

3 октября 1941 г.

В сентябре работали мало: возились с дровами, а потом пошли дожди. Сейчас снова начали работать. Дина копает картошку: 9 пудов – в колхоз, 1 пуд – себе. В день можно заработать 2-3 пуда. Я пойду опять на колхозный огород, т.к. там дают за трудодни муку...

27 октября 1941 г.

В субботу ходили в лес рубить дрова, я с нашей хозяйкой нарубили и напилили 3 кубометра.

18 декабря 1941 г.

Алеша (Алексей Сергеевич Волковский – ред.) так ничего и не пишет. Уже приходят в голову всякие мысли, которые стараемся подальше отгонять...

1 января 1942 г.

Молоко получили в обмен на Динино розовое платье. Теперь здесь все меняют...

7 января 1942 г.

... Вместо хлеба получаем на трудодни муку по 265 г. в день. Кроме нее, ничего не дают.

21 февраля 1942 г.

...Сегодня у нас праздник: впервые получили колбасу! Давали по 360 г на человека... Колбаса, правда, не из высших сортов, но нам она кажется необыкновенно вкусной...

10 апреля 1942 г.

... Я собираюсь разводить огород: сажать картошку, морковку, т.к. вдруг придется зимовать еще раз. На деньги их не купить, а менять уже скоро будет нечего...

4 мая 1942 г.

От Алеши все ничего нет, и, очевидно, его уже нет. Как сложится наша жизнь дальше? Уж только бы вернуться домой!

27 июля 1942 г.

... Вчера был год, как мы выехали из Москвы. Мы так надеялись, что через несколько месяцев будем дома, а вот, оказывается, уже год, и об отъезде ничего не слышно...

8 сентября 1942 г.

Самое главное, что у нас не всегда бывает хлеб. Бывают задержки по 5-6 дней. Хорошо, что у нас есть картошка, но удастся ли сделать запас на зиму – не знаю. О мясе мы уже не думаем...

7 января 1942 г.

... Дина работает бухгалтером, я – старшим лаборантом. Ребята ходят в школу, там получают завтрак: кусок хлеба и кусок сахара.

Об Алеше ничего не знаю, и потеряла всякую надежду его увидеть...

Начало ноября 1942 г.

... Второй год нашей жизни здесь начался не очень-то хорошо. Во-первых, сбавили норму хлеба, и теперь мы на всех получаем не 2900 г, а 2400...

Картошка наша понемногу портится, и вместе с ней портится наше настроение...

Наконец-то, дома

В мае 1943 года Волковские вернулись в поселок Сокол (ул. Поленова, д. 10). Те же хлебные карточки, тот же кормилец-огород. В 1945 Ирина Львовна снова стала преподавать в Московском институте советской кооперативной торговли, в 1951 году защитила кандидатскую диссертацию.

Но тяжелый физический труд в годы войны не прошел бесследно: стало болеть сердце. В 1959 году Ирина Львовна вышла на пенсию по инвалидности, в 1967 году скончалась в возрасте 60 лет.

Сергей и Лев Волковские окончили радиофакультет МАИ. Вся их последующая профессиональная жизнь была связана с авиационно-космической радиоэлектроникой.

Их отец Алексей Сергеевич Волковский с войны не вернулся. В мае 1945 года семья получила известие о том, что пропал он без вести в сентябре 1941 года.

Все попытки установить его судьбу оказались безуспешными.

«ГС» № 30, 2019 г.

А зима стояла лютая...

... Я вообще-то родом из Касимова Рязанской области. Каждое лето приезжала к родителям. Вот и в июне 41-го к ним приехала. Вместе с крохотной дочуркой. И тут – война.

Что было делать? Возвращаться в Москву, в поселок Сокол? Но, как сообщил мне муж Иван Григорьевич Дятлов, Научно-исследовательский институт, где он работал, вот-вот эвакуируют. Ехать вслед за мужем с маленьким ребенком я не рискнула. Решила остаться в Касимове.

Да и работа для меня нашлась: в педагогическом училище. По специальности я – преподаватель музыки. До войны в Москве окончила музыкальное училище.

Но преподавание мое было недолгим: уже в ноябре училище в полном составе отправили на рытье окопов куда-то под Касимов. Всю зиму мы провели на окопах. Работали от зари до зари. А зима стояла лютая. Там я и заболела воспалением легких. Мама и младшая сестра еле выходили меня.

Питание же было совсем скудное. Хлеб выдавали по карточкам: 200 грамм в сутки на работающего члена семьи, 150 грамм на иждивенца и сто грамм – на ребенка.

Что-то из вещей мама продавала на базаре, обменивала на продукты. Словом кое-как концы с концами сводили.

Война – это большое испытание. Но ведь пережили, не пали духом. Поддерживала всех вера в то, что враг будет разбит, и снова наступит мирная жизнь.

А меня и моих родных поддерживала еще и музыка. Бывало, соберемся вместе, отец и говорит: «Люба, сыграй что-нибудь». Особенно любил он Полонез Огинского. Действительно, сильная, жизнеутверждающая музыка. Одновременно и печальная...

В 1942 году муж со своим НИИ вернулся в Москву. Приехали в Сокол и мы с дочуркой. Жизнь в столице была не лучше. Те же хлебные карточки. Правда, у мужа как у научного работника паек был больше.

Вскоре стали давать молоко. Из колхоза привозили. Так что два раза в неделю муж уходил на работу с бидончиком. Жизнь налаживалась...

Любовь Дятлова (ул. Сурикова, д. 25)

«ГС» № 12, 2005 г.

Мы смотрели Парад Победы

Летом 41-го нас с братом отправили в Горьковской области, на родину бабушки и прабабушки. Родители оставались в Москве. Отец как работник НКВД вообще

находился на казарменном положении, дома бывал редко. Мама вместе с жителями поселка участвовала в строительстве оборонительных укреплений.

Как рассказывала мама, в ночь на 22 июля фашисты совершили массированный налет на Москву. Одна из вражеских бомб упала недалеко от нашего дома. Мама и соседи по другому дому находилась в «щели». Слава богу, дома уцелели.

Из эвакуации мы с братом вернулись в сентябре 1942 года. Мама отвела меня в 149 школу (директор Комарова Клавдия Михайловна). Определили меня во 2-й «А» к Смирновой Ольге Александровне, жительнице поселка Сокол (Сурикова, д. 3). В третьем классе меня учила тоже жительница нашего поселка – Карасева Нина Александровна (Поленова, д. 14). А в пятом классе преподавала математику Любимова Анна Георгиевна (Сурикова, д. 5).

Зимой 42-го в классах холод был жуткий – сидели в пальто. Тетрадей не было, писали на полях газетных полос, чернила в «непроливашках» носили с собой.

Прошло еще время. Как-то вечером 5 августа 1943 года мы с мамой оказались в центре Москвы. Вдруг началась стрельба, мы испугались: не бомбежка ли? Но оказалось, что это был салют в честь освобождения городов Орла и Белгорода.

Потом еще и еще были салюты по случаю освобождения других городов, и мы, сокольская детвора, успевали добраться до «Маяковки», чтобы полюбоваться красочным зрелищем.

Еще запомнились пленные немцы на Садовом кольце. Мы с братом и мамой стояли на площади Маяковского и наблюдали их шествие в глубоко молчании. Вот, дескать, и сбывлась ваша «мечта»: пройти по улицам Москвы.

Наступила весна 45-го. Все чувствовали, что война вот-вот закончится. Уже пал Берлин. И вот утром 9 мая по радио объявили: враг разгромлен. Это был день всеобщего ликования. Занятия в школе отменили. Вечером всей семьей мы отправились на Красную площадь. Народу было – не протолкнуться. Люди смеялись, танцевали, плакали.

И самое последнее воспоминание о войне – Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. У отца был пропуск на гостевую трибуну, а детей можно было провести так, без пропуска. Вот он и взял меня с собой.

Мы стояли у стен Кремля и наблюдали за тем, как наши воины-победители швыряли к подножию Мавзолея фашистские знамена и штандарты. И сердце наполнялось гордостью.

Пусть весь мир знает: советская страна непобедима!

С тех пор в мире и в стране многое изменилось. Да и нет уже такой страны – СССР. Есть Россия. Великая суверенная страна. И нужно уметь беречь ее и защищать. Этому учит нас история. Этому обязывает нас память о павших.

Юлия Точкина (ул. Верещагина, д. 20)

«ГС» № 12, 2005 г.

Само небо торжествовало...

Война, можно сказать, застала меня в поле. После окончания 7-го класса я и почти все мои сверстники работали в колхозе. Колхоз наш был большой, богатый, как сейчас помню: имени Буденного. Это в Шатурском районе. Окучивали картошку, пропалывали свеклу. И везде, на всех работах - одни женщины и мы, девчонки.

Мы еще и в школу ходили. В соседнюю деревню, за три километра. А потом пришла «похоронка»: погиб на фронте отец. Как тут было не работать? И так все три военные годы.

Но очень хотелось учиться. Тяга к учебе среди молодежи тогда была всеобщей. Поступила я в лесотехнический институт. И тут долгожданная Победа. Мы с подружкой отправились на Красную площадь. Что там было? Объятия, ликование, слезы... А к вечеру загремел салют. Казалось, само небо торжествовало...

Клавдия Казанская (Малый Песчаный переулок, д. 15)

«ГС» № 18, 2009 г.

Дети военного времени

День начала войны совпал с днем моего рождения – мне исполнилось три года. Мама поехала в центр купить что-нибудь для детского праздника и в метро услышала о нападении Германии. Тут уже было не до праздника...

Еще помню, как отец прощался с нами, отправляясь в военкомат. Но на фронт его не взяли, сказали, что он более необходим на своем рабочем месте (отец работал конструктором в Научно-исследовательском институте парашютно-десантного снаряжения). Вскоре институт и институтский завод эвакуировали в Ташкент. И отец забрал нас собой.

Сперва мы жили в сарае довольно-таки большой узбекской семьи. Крыша сарая была дырявой, и в дождь воду приходилось собирать в тазы.

Как-то позже мама мне сказала: хозяин не скрывал, что ждал прихода немцев. И это в Ташкенте? За тысячи километров от Москвы, где в то время разворачивались жесточайшие бои? Представляю, как он бесился потом, узнав о разгроме немцев под Москвой, не говоря уже о сталинградском их крушении. Наверное, сбежал куда-то, старый бай...

В общем, перебрались мы в подвал большого жилого дома. Отец по-прежнему работал в своем институте, мама – на заводе при этом институте – укладывала парашюты.

До сих пор не мог избавиться от угнетающего состояния: постоянно хотелось есть. Как сейчас вижу: отец делит ломтик хлеба на троих: мне, маме и себе. Зато как же пестрел восточный базар, поражая своим изобилием! Но для нас он был недоступен...

В поселок Сокол мы вернули в 45-м (ул. *Шишкина*, д.6). Осенью я пошла в школу, в 149-ю, в 1-й «З». Были еще классы «И» и «К». Учились в три смены. В классах собиралось до 40 учеников. В нашу школу ходили и дети из-за Окружной железной дороги, из домов поселка ВИЭМ. В классах были дети разных возрастов, так как в войну учиться довелось не всем.

Помню на строительных объектах вблизи Сокола пленных немцев. Мы, дети, с любопытством разглядывали их, жалели и никогда не дразнили.

Еще помню, как однажды по улице шли двое: женщина и ребенок – в лохмотьях, опухшие. Увидев собачью миску у какого-то крыльца, они руками, давась, доели остатки каши и, как тени, удалились. Это были люди войны, доведенные до крайности...

Событием в поселке был завоз муки. Магазина было два – один около зеркальной фабрики, другой – при смыкании улицы Сурикова и Малого Песчаного переулка. Заранее узнавалось, в какой из них будет завоз. Очередь занимали с ночи, и растягивалась она вдоль всей улицы. Заветный номер писали на ладони химическим карандашом.

Постепенно возрождались сады.

Коллективно закупали в Тимирязевской академии саженцы яблонь, смородины, роз, рассаду клубники.

Первым моим послевоенным другом стал Юра Зорин. Он конструировал модели самолетов. Поступил потом в МАИ, стал кандидатом наук.

Моими друзьями были также сестры Воронины. У них у одних из первых в поселке появилось чудо – телевизор с крохотным экраном.

Телефоны были не у многих, поэтому приходили друг к другу спонтанно. Пили чай, делились радостями и заботами. Вместе со своей бабушкой я бывала в домах Запорожцев, Яшных, Бронниковых, Макаровых, Харсам, Котовых, Замориных, Кипарисовых, Шраг-Ющенко, у родственников – Тищенко. К нам приходил генерал Федоров. Вернувшийся с фронта Андрей Макаров писал мой портрет.

Поселок оживал. Оживали души людей. А для нас, детей, вообще все вокруг было светло и радостно. И мы свято верили в свою счастливую судьбу.

Екатерина Алексеева (ул. Шишкина, д. 6)

«ГС» № 12, 2005 г.

Вместо послесловия

Он и сегодня с нами: вечно молодой

27 апреля 2016 года во дворе школы № 149, носящей имя Героя Советского Союза Ю.Н. Зыкова, в торжественной обстановке был открыт бюст Героя.

В этой школе Юрий учился, как его сестра и младший брат. В 1940-м Юрий окончил школу. Вопрос «Кем быть?» перед ним не стоял: определено военным летчиком.

С началом войны – Юрий Зыков летчик-штурмовик. В общей сложности он совершил 196 боевых вылетов. Последний – 21 февраля 1944 года. Вражеским летчикам все же удалось подбить его ИЛ-2...

В школе гордятся тем, что в далекие предвоенные годы в ней учился летчик-герой Юрий Зыков. И все более очевидным становилось, что школа вправе носить его имя. А установление на территории школы бюста Зыкова – это уже инициатива директора Ларина Алексея Николаевича. Нашелся и скульптор – Михаил Грачев, член Союза художников России, лауреат международных и всероссийских творческих конкурсов...

Слетает с обелиска покрывало, и под аплодисменты собравшихся – школьников, учителей, выпускников, гостей – взору предстает Юрий Зыков. Мужественное, волевое лицо. И наверняка, взглядывая в него, юным – мальчишкам, девчонкам – захочется стать такими же сильными и целеустремленными.

Цветы, цветы – Юрию. Он словно в гости пришел. Да нет, не в гости. Навсегда!

«ГС» № 26, 2016 г.

Содержание

Ценой своей жизни	3
Сокол в 41-м	16
Фронтовики	21
Трудовая вахта	37
Он и сегодня с нами: вечно молодой	50

Соколяне. Годы военные

Подписано в печать

Формат 60 X 90/16. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз.

Заказ №2305154 Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография ПМГ».

Москва. Ленинградский проспект, д. 80, корп. 30.